

The background of the cover is a detailed illustration of a young man and woman in a romantic pose. The woman, on the left, has long, wavy blonde hair and is wearing a black leather jacket. The man, on the right, has dark, wavy hair and is wearing a white tank top with a chain necklace. They are standing close together, their foreheads touching, with their eyes closed in a moment of intimacy. In the background, a red classic car is parked in a misty, forested area with tall evergreen trees.

НИКА
МЕРСЕР

Не проси меня
остаться

18+

Ника Мерсер

Не проси меня остаться

Серия «На границе перемен», книга 1

<https://litres.ru/72846782>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сесилия живёт свою идеальную жизнь: прекрасный жених, утончённый образ и привычка соответствовать чужим ожиданиям. Пока предательство не разрушает этот хрупкий порядок — и не оставляет её наедине с мыслью, что причина случившегося в ней самой.

Попытка разобраться в себе и найти точку опоры приводит её в Сильвер-Коуст — небольшой прибрежный город, где океан и туман замедляют время и дают возможность остановиться. А авария — к Эйдену, мужчине, который давно перестал доказывать что-то миру и просто держится за тех, кто ему дорог.

Он видит в Сесилии не пустоту, а силу. Она видит в нём человека, рядом с которым можно перестать притворяться.

Смогут ли двое таких разных людей, встретившиеся не в то время и не в том месте, стать друг для друга не спасением, а просто — счастьем?

Содержание

Глава 1. Поношенные вещи	4
Глава 2. Не забудь привести себя в порядок	14
Глава 3. Не нравится, когда на тебя вешают ярлыки?	26
Глава 4. Все могут получить любовь	38
Глава 5. С этим проблем не будет	51
Глава 6. Мне уже всё равно	64
Глава 7. Кусочек солнца	92
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Ника Мерсер

Не проси меня остаться

Посвящается всем, кто чувствует себя сломанным. Иногда кажется, что вокруг не осталось ничего хорошего. Но у тебя всегда есть ты. И этого — достаточно.

Глава 1. Поношенные вещи

Две вещи невозможно забыть — запах любимого человека и момент, когда узнаёшь, что он тебе изменил.

Я еду по шоссе 101, пытаюсь сбежать от обоих.

Уже несколько часов всё, что мелькает перед моими глазами — красные габаритные огни автомобилей. Я смутно помню, как оказалась на дороге между Портлендом и Сан-Франциско. Но отлично помню причину, по которой села в машину, поэтому упорно жму на педаль. Чтобы унести как можно дальше — от себя и от него.

Хотя второе практически нереально. Машина пахнет Дерексом. Так сильно, что я ощущаю его присутствие каждую минуту. Аромат мускуса и сандала слишком сильный, мой нос так и не смог адаптироваться или так и не захотел это делать. Как будто моё тело бунтует и не даёт мне оставить

прошное, хоть я безумно хочу от него оторваться.

Телефон на приборной панели снова загорается. И с экрана на меня смотрит улыбающийся жених. Он лежит на животе, обнимая подушку — только проснулся. Его каштановые волосы слегка выцвели после нашего отдыха на Гавайях. Лицо покрыто веснушками. Он выглядит всё тем же добрым и любящим, и, кажется, я могу протянуть руку и смахнуть со лба непослушную прядь. Я всё ещё слышу, как он тогда сказал: «Я люблю тебя».

— Чёрт! — я срываю мобильник и забрасываю его назад.

Не могу смотреть, как он улыбается, будто ничего не было. Сердце сжимается каждый раз, когда на экране мелькает его фотография, как будто он и правда насмехается, напоминая о случившемся. И о том, что от меня почти ничего не осталось.

Впереди меня ждут четыре дня — со скоростью девяносто километров в час, по одиннадцать часов за рулём, с пятнадцатиминутными перерывами каждую сотню километров. И я буду на месте. Идеально выверенный план, которому можно спокойно следовать. Красная линия на карте ни за что не изменится, не скажет, что маршрут отменяется, она просто будет показывать путь. Конечный и определённый.

Спустя два часа дождевые капли забарабанили по натянутой крыше, и всё же они лучше, чем шипение из колонок. Тишина густая, непроглядное серое небо не балует приближением рассвета. Только габаритные огни служат маяком этой

мартовской ночью.

Хвойный лес, что при свете дня казался сказочным, после захода солнца превратился в чудовищные декорации. Ветки деревьев, словно когтистые лапы, нависают над дорогой, пытаясь ухватиться за зазевавшегося путника.

Но я не боюсь. Темнота, что ползает под моей собственной кожей, гораздо страшнее. В этой тьме только кольцо Дерекa назойливо блестит на безымянном пальце. Я прокручиваю тонкий платиновый обруч по привычке. Его одновременно так легко и так тяжело снять. Так же, как и простить.

Ещё два дня назад я думала, что моя жизнь идеальна. А потом всё растворилось в мыльной пене.

— Привет, это Дерек. Сейчас я занят, свяжитесь с моим секретарём, если это срочно.

Автоответчик снова сбрасывает меня на голосовую почту. Самолёт приземлился полчаса назад. А я до сих пор жду своего жениха или хотя бы его водителя. Но, похоже, о моём прилёте забыли.

Этот ночной рейс был ещё тем испытанием. Я мчалась из Нью-Йорка на последний самолёт, чтобы успеть вернуться домой пораньше. Мне так хотелось увидеть Дерекa до дня отъезда. Провести день в постели и спрятаться от мира, которому всегда что-то нужно. Только я не думала, что застряну

в портлендском аэропорту в полном одиночестве. Моё приподнятое настроение перед встречей после недельной разлуки улетучивается после третьего неотвеченного звонка.

В городе был дождь. Его остатки блестят на стёклах аэропорта за спиной. Из-под колес автомобилей с хлюпающими звуками разбрызгиваются лужи. Слякоть и холод в городе — те самые вещи, по которым я никогда не скучаю. Прошло пять лет с тех пор, как я переехала сюда за Дерекком, и никак не могу привыкнуть к местному климату.

Убер снова и снова отменяет мои заказы, пока водители стоят на месте, не собираясь даже двигаться в мою сторону. Спустя тридцать минут на холодном ветру у меня с трудом получается сдерживать дрожь от низкой температуры и усталости.

К моей удаче, пожилая пара предлагает подбросить меня. Пока дедушка ворчит за рулём, бабушка украдкой косится на кольцо у меня на пальце — и я снова и снова объясняю, почему жених «не смог» приехать. К моменту, когда мы добираемся до Перл-Дистрикт, оправдания застревают в горле комом.

Этот район славится тем, как превратился из индустриального в жемчужину современной жизни. Дерек так радовался, когда смог купить здесь квартиру, занимающую весь последний этаж. Сейчас наш дом кажется тёмной башней, только в нашем гнёздышке зажжён свет. Значит, он не спит.

Забыв о своих злоключениях в аэропорту, я мчусь к лиф-

ту в предвкушении. Чемодан жалобно трещит при каждом ударе о ступени. Я не щажу его, пока спешу к лифту. Туфли на ногах уже кажутся неподъемными, но перед встречей с женихом у меня открывается второе дыхание.

Лифт медленно тащит меня наверх. Пока я переминаюсь с ноги на ногу, мечтая поскорее обнять Дерека и уткнуться носом в его грудь, как всегда после долгой разлуки. Я скучала по его тёплому голосу и медвежьим объятиям и сейчас с нетерпением жду возвращения домой.

Двери лифта медленно распахиваются, впуская меня сразу в квартиру. Я делаю три уверенных шага, прежде чем обращаю внимание на обстановку: свет включён, на фоне играет тихая музыка из нашего романтического плейлиста, а под ногами оказывается пара женских кроссовок на плоской подошве.

Подтолкнув обувь носом туфли, я медленно перевожу взгляд по коридору. Натыкаюсь на мужскую рубашку, сброшенную чуть дальше, и брюки кислотного— оранжевого цвета. Мой гардероб ломится от вещей. Но такой одежды в нём никогда не было.

Звук моих каблучков отдаётся в голове. Тук-тук-тук. С каждым ударом сердце подскакивает к горлу, и накатывает тошнота. Я вижу одежду — женскую и мужскую. Со столика опрокинута моя любимая ваза. Цветы, уже завядшие за неделю, разлетелись по всему коридору лепестками.

Чем дальше я иду, тем сильнее ощущаю чужое присут-

ствие. В доме больше не пахнет моими духами. Осматривая квартиру, я не могу её узнать. Пока мой взгляд бежит по пространству, мне всё время попадаются чужие вещи: бумажник, сумочка, помада. В гостиной разбросаны подушки, которые я неделями выбирала и составляла идеальную цветовую гамму.

Дорога из одежды ведёт меня в спальню. Пройдя мимо кухни, я нахожу недоеденный ужин, открытую бутылку вина и несколько тарелок в раковине. Кухня, в которой всегда царит медицинский порядок, превратилась в поле боя. Как будто каждую вещь, которую я постоянно складывала на место, решили переставить. Моё присутствие успело улетучиться из каждой детали пространства.

По щеке течёт первая слеза. Она, как горячая вода по холодной коже, бежит вниз, капая с подбородка на блузку. За ней следующая. Всклип рвётся из груди, и только голос матери внутри меня требует не позориться.

Сжав руки в кулаки, я иду в направлении спальни. Молясь, чтобы, когда я открою дверь, там был один из друзей-холостяков Дерека, лишь бы не он сам. Это предположение, придаёт мне сил, так что без зазрения совести я распахиваю дверь в спальню.

Постель посередине комнаты измята, простыни сброшены на пол, а внутри стоит лёгкий запах другой женщины. Из ванны доносятся голоса. Ковёр в спальне гасит звук моих шагов, но не может заглушить смех двух влюблённых, плес-

кающихся в ванной.

Моё появление в дверях не смогло отвлечь их друг от друга. В нашей огромной ванной, которую мы выбирали несколько недель, сидит Дерек. Его мокрые зачёсанные назад волосы открывают идеальную улыбку, которую он дарит женщине, усевшейся между его ног. Пена скрывает голые тела, но не их предательство.

— Она? Серьёзно? — мой спокойный голос будто выключает звук.

Они оба поднимают на меня глаза. В одних я читаю искреннее раскаяние, в других — просто удивление.

— Ты рано приехала, — это всё, что говорит Дерек. Он тут же прикрывает руками Тессу, притаившуюся в пышной пене.

— Да, я предупреждала тебя, но, видимо, ты был слишком занят.

Горечь сменяется злостью. Я смотрю на двоих самых близких для меня людей в объятиях друг друга и не могу понять, чьё предательство жжёт меня больше — его или её.

— Сесил, я всё объясню.

— Что ты объяснишь? Почему ты изменил мне с моей подругой или почему ты делал это в нашей постели?

— Сесил, так получилось, я не хотела! — хнычет Тесса, пытаюсь выбраться из ванны.

— Ты поскользнулась и упала на член моего жениха?! — голос подводит меня. Слёзы сдерживать больше не получа-

ется, и маска контроля сползает вместе с макияжем, — Господи!

Я мчусь прочь, пока ещё могу сохранять голову гордо поднятой, сердце, подступившее к горлу, угрожает вырваться и залить кровью пол. На негнущихся ногах я иду к лифту, хватая ключи от машины. Не имеет значения, куда я пойду прямо сейчас, главное — просто выбраться. Подхватив чемодан, я нажимаю кнопку вызова лифта, и тот едет, как назло, медленно, позволяя Тессе догнать меня.

— Сесил, прости меня! — кричит она.

— Дерек — не поношенные туфли! Он не грёбаная вещь, которую ты могла себе одолжить! — я повышаю голос впервые за много лет.

Она всегда так делает: выставляет себя жертвой в любой ссоре. И теперь, забравшись в мой дом, в мою постель, льёт слёзы, как невинная овечка.

Тесса пытается схватить меня за локоть. От её прикосновения меня передёргивает. Злость, которую я и так едва сдерживаю всё это время, вскипает и выплёскивается в один звонкий удар. Тесса отшатывается, хватаясь за щёку, смотрит на меня ошеломлёнными глазами. Теперь её заливают настоящие слёзы, но этого всё равно мало, чтобы разбудить во мне жалость. Подоспевший Дерек тут же принимается успокаивать Тессу, прильнувшую к его груди. Раньше он обнимал так меня.

Прежде чем они начинают мне что-то говорить, лифт при-

бывает, и я ныряю в него, лишая их возможности меня остановить. Последнее, что я вижу, — кровь на лице Тессы. Такая же осталась на камне моего кольца. И хорошо. Тессе оно всегда очень нравилось.

Сейчас

Я дышу прерывисто, словно двери лифта только что закрылись. В тот момент мне казалось, что в мире выключили весь свет. Прошло всего два дня, а между девушкой, что вытирала слёзы, глядя в зеркало лифта, и мной, отражающейся в зеркале заднего вида — пропасть. И мост через неё был выложен из моей души.

Куда этот мост приведёт меня — остаётся только гадать. Кольцо всё ещё смотрит на меня, дразня блеском разрушенной мечты. Мы с Дерексом должны были сегодня улететь на Гоа, чтобы отдохнуть перед свадебной суматохой. Наверное, теперь он будет там с Тессой.

Мои волосы с идеальным платиновым оттенком слегка потемнели от дороги и сырости, макияж, который я не смывала уже три дня, растёкся по лицу, превращая меня из утончённой женщины в девушку неопрятного вида. Теперь и я сама себя предаю.

Рассвет вспыхивает на горизонте, освещая дорогу вдоль берега. Океан плещется справа, омывая песчаные пляжи и

скалы. Приоткрыв окно, я впускаю в салон свежий воздух и запах соли. И это, наконец-то, выветривает запах мужчины, которому больше нет места рядом со мной.

Ещё немного — и я смогу передохнуть в Ньюпорте. Хочется уже поскорее добраться до мотеля и утонуть в постели. Взгляд всё время падает на приборную панель. И, в очередной раз позволив себе немного расслабиться, я прикрываю глаза.

Назад меня выдёргивает отчаянный скрежет шин.

Глава 2. Не забудь привести себя в порядок

Злое гудение клаксона ударяет по ушам, вырывая меня из сонливости. Два ярких огня впереди заливают салон светом, и моё дыхание останавливается.

Автомобиль мчится прямо на меня, за потоком дальнего света я не могу разглядеть, что именно спешит отнять мою жизнь. Один удар сердца мне требуется, чтобы очнуться.

Мне нельзя здесь умирать.

Я резко дёргаю руль влево, подставляя под удар пассажирское сиденье, и выруливаю на обочину. Промчавшись мимо фонарного столба, я сбиваю боковое зеркало с противным скрежетом. В лобовое стекло летят ветки, листья и куски моего безрассудства.

Шок сковывает всё тело, пока адреналин кипит в крови. Руки, прилипшие к тонкому рулю, не хотят шевелиться. Грудь вздымается, и облачка пара витают перед лицом на ледяном воздухе. Я чувствую запах жжёной резины и свежей листвы.

Не знаю, сколько времени я так просидела не шелохнувшись. Пошевелиться меня заставляет резкий звук входящего звонка. Дрожащими руками я достаю мобильный и вижу

лицо человека, чья воля заставила меня сесть в машину и отправиться прочь.

Один день назад

— Сесилия, — пауза длится полторы секунды, — что происходит, где ты?

Голос мамы из динамика смартфона, как всегда, ровный и спокойный. Аврора Стэнли никогда не позволяет эмоциям отразиться на её идеальном образе. И только годы жизни рядом с этой женщиной безошибочно научили меня определять её состояние просто по длине паузы между словами.

Она в ярости.

И хотя нас разделяет добрая тысяча километров, её настроение всё равно влияет на меня. Мне не нужно быть рядом с ней в Лос-Анджелесе, чтобы почувствовать, как она сидит за своим идеальным столом из чёрного дерева, отбивает ритм носком туфли и стряхивает несуществующую пыль с рукава своей блузки, готовясь отчитать меня за слабость.

Не в силах сдержаться, я шмыгаю носом всего один раз, и звук отодвигающегося стула не предвещает ничего хорошего.

— И почему ты плачешь?

— Он изменил мне, — едва произношу я, удерживая в голосе всхлип.

Тогда, оказавшись в кабине лифта, я держалась, со злостью стирая слёзы рукавом пиджака. Отражение в хромированных дверях не пало духом. Гордо поднятая голова, волосы, что даже не истрепались от перелёта и быстрой ходьбы. Чемодан элегантно смотрелся рядом — единственное, что я взяла с собой. Ни одна внешняя деталь не выбилась из гладкого образа. Нельзя допускать, чтобы тебя кто-то видел слабой.

Как только двери раскрылись и я оказалась в фойе, меня догнало понимание, что идти мне некуда.

В этом городе у меня была работа, любимый мужчина и единственная подруга, с которой мы пили кофе по выходным. И за пять минут у меня не осталось никого. Можно было позвонить кому-нибудь из коллег, если бы я была готова показать себя с этой стороны.

Поэтому я очутилась здесь, в небольшом отеле на севере Портленда, со старой ванной и обшарпанной обстановкой. Стены бирюзового цвета и мебель серого были сделаны лет тридцать назад. Здесь не было ничего, что могло бы напомнить мне о Дерекке и Тессе.

— Дерек звонил мне, он очень переживает. Куда ты пошла? У тебя же в городе нет друзей, — не беспокойство, а просто констатация факта.

Я закрываю глаза, представляя, как он звонил ей, и они мило общались. Иногда, кажется, Дерек лучше ладит с моей мамой, чем я сама. Он всегда тот, кого первым обнима-

ют, если мы приезжаем на Рождество, или кому дают самый большой кусок пирога.

— Я остановилась в отеле, — отвечаю я полушёпотом.

— Всё ясно. Сесилия, прошли уже сутки, как тебя нет. Когда ты вернёшься домой?

Я слышу, как она расхаживает по комнате, звук её каблучков разносится по пустому пространству их большого нового дома. Даже в этот момент позднего вечера мама одета с иголочки. Мне всегда нужно ей соответствовать, поэтому я усвоила правило, что каблук должен быть не менее пяти сантиметров. В моём раннем детстве, после смерти папы, когда мы едва сводили концы с концами, мама всегда оставалась эталоном собранности.

— Я не вернусь в Лос-Анджелес, мама. Думаю, что пока останусь в Портленде и попытаюсь перевестись в филиал Сан-Франциско.

Мама резко останавливается. Тишина повисает между нами — тягучая и звенящая. Думаю, её тонкая рука плотно прилегает к шву платья, чтобы не впиться в ладонь ногтями.

— О чём ты говоришь? Когда ты вернёшься домой, к Дереку? — спокойствию её голоса можно позавидовать.

А мне хочется провалиться сквозь землю. Раствориться и больше никогда не вспоминать того, что произошло. Последнее, чего бы мне хотелось, — это снова увидеть постель, где он мне изменял. Думаю, что в нашей квартире теперь всегда будет пахнуть Тессой. Точнее — в его квартире.

— Я не вернусь, — сухо отвечаю я.

— Ты с ума сошла? Свадьба через четыре месяца, ты не можешь просто всё отменить. Как ты предлагаешь объявить это гостям?

— Думаю, если скажу правду, они меня поймут.

Я слышу торопливые шаги и звук запирающейся двери. Дыхание на том конце учащается, и в трубке раздаётся грозный шёпот.

— Не будь дурой, Сесилия. Вы взрослые люди. Поговорите и помиритесь. Твоё поведение ударит и по мне. Мы пригласили столько гостей, будут и партнёры твоего отца.

Не отца — отчима. Когда мне было десять, мама снова вышла замуж за владельца заправки, которая позже превратилась в большую сеть по всему западному побережью. Теперь она живёт в элитном доме, носит лучшую одежду, и маска идеальной женщины никогда не сходит с её лица. А я, как обычно, всё порчу, как бы ни старалась.

— Мама... нет.

— Сесилия. Ты же знаешь, что женщине с твоими особенностями будет очень сложно найти мужа? Я не хочу, чтобы ты осталась одна. Дерек любит тебя такой, какая ты есть. Я буду ждать утром вашего звонка. Ты меня поняла?

Я кладу руку на живот, как будто забыла, о чём она говорит. Но я никогда не забываю. И даже если Дерек никогда не напоминает мне об этом, моя мама — драгоценная, ответственная, всех любящая мама — никогда не даёт забыть мне

о том, чего у меня нет.

— Я спрашиваю, ты меня поняла? — повторяет она с нажимом.

Связки отказываются произносить любые звуки. Нетерпеливое шипение на другом конце телефона выжимает из меня идеальный ответ.

— Да, — отвечаю я быстрее, чем могу опомниться.

И ненавижу себя за это. Разум говорит мне, что это правильно. Я идеальная дочь. И именно так бы поступила совершенная невеста. Не рубила плеча, а решила бы всё мирно. Поэтому слёзы текут по лицу, безупречно попадая в уши.

— Отлично. Будь благоразумна. И не забудь привести себя в порядок — ты всё время запускаешь себя при первом же волнении. До связи.

Вызов отключился.

Я ещё долго смотрю на вращение потолочного вентилятора, повторяя в голове события прошедших дней. От меня ожидают возвращения. Смогу ли я натянуть улыбку и делать вид, что ничего не произошло? Скорее всего, нет.

Часы идут, солнце заходит за горизонт, а поверхностный сон возвращает меня в прошлое — в домик у океана, в Сан-Франциско. К родителям отца, которые принимали меня и нянчили на летних каникулах. Я смутно вижу окружение, но ярко ощущаю жгучую тоску по месту, где было безмятежно.

Очередное сообщение от Дерека разрушает лёгкий флёр спокойствия, окутавший меня.

Дерек: Пожалуйста, вернись домой.

Домой... А где мой дом? Эта мысль врезается, как назойливая мелодия из рекламы. Где этот дом? Нужно было ещё выяснить. Смогу ли я называть домом место, откуда, содрогаясь от боли, убегала, как выкинутая на обочину собака?

Зеркало напротив постели показывает мне ту Сеси, что нельзя представлять миру: взъерошенные волосы с чёрными кругами от туши под глазами, припухшее лицо и мятую одежду. Как будто ничего не осталось от утончённой женщины, сядившейся на рейс из Нью-Йорка.

В кармане шуршит фантик. Сливочная карамелька сейчас даже пахнет особенно вкусно. Ещё не положив её на язык, я чувствую вкус — нежный, мягкий, разливающийся по нёбу. Не могу вспомнить, когда в последний раз позволяла себе есть сахар в чистом виде. То, что ещё вчера мне казалось кусочком яда, сейчас ощущается как небесное лакомство и стоит конфетке коснуться языка, я понимаю чего хочу.

Как давно мне хотелось вернуться домой — в Сан-Франциско. Ещё раз посмотреть на тот старый дом и поесть мороженое в прибрежном кафе. Вспомнить, как мы играли у бассейна Джессики, и не думать о том, как мама наругает за испачканные вещи. После болезни я ни разу туда не возвращалась. Так и не сумев попросить у бабушки прощения.

Я не могу вернуться к Дереку. Не покажу своё поражение

и не хочу выглядеть нуждающейся. Последнее, что он не отнял у меня — моё лицо. И его я ему не отдам. Не сегодня.

Скинув свои немногочисленные вещи обратно в чемодан, я надеваю сухие туфли и отправляюсь прочь. Дерек забрал у меня мою любовь. А напоследок я заберу его.

Сейчас.

Облокотившись на тёплый бампер, я сижу на земле, вытянув вперёд ноги. На голых ступнях болтаются синие летние шлёпки — единственная обувь, что я смогла купить на ночной заправке, чтобы заменить размокшие туфли.

Машина отказывается заводиться. Когда я поворачивала ключ, вместо привычного рычания слышалось поскрипывание и тишина. Кажется, я оскорбила её тем, что чуть не уснула за рулём. И теперь — она обрекает меня на страдания в рассветных лучах.

Наверное, это моё наказание. Я случайно схватила ключи Дерекы вместо своих, когда убегала из квартиры. Теперь машина решила, что это будет отличным актом возмездия своему угонщику. Мне ничего не остаётся, как сидеть, уткнувшись лицом в колени, и рыдать от безысходности.

Редкие проезжающие автомобили даже не думают останавливаться. Мне сто́ит выйти на обочину, голосовать, но как будто ноги приросли к земле, заставляя оставаться на месте. Я могу бросить тачку и отправиться в ближайший го-

род автостопом, лишь совесть не позволяет мне оставить её здесь. Нужно поставить её на колёса или хотя бы отогнать в город.

Телефон больше не звонит. Я заблокировала все вызовы, и мне сейчас тоже позвонить некому. Есть только один человек, который бы мог выслушать меня. И я набираю номер уверенно — ведь там сейчас самый разгар дня.

— Сесилия? Что случилось? — вместо лёгкого звенящего голоса я слышу беспокойство.

Джессика. Моя лучшая подруга детства уехала учиться в Англию. Вышла замуж и осталась там. Мы до сих пор общаемся, и я звоню ей, когда на душе становится совсем паршиво. Потому что она всегда жизнерадостна и заряжает своим настроением.

— Всё в порядке, просто хотела услышать твой голос, — я стараюсь звучать радостнее.

— Не ври мне, — отвечает она, цокая языком. — В Лондоне полдень, значит, у тебя утро. Что случилось? Снова мама?

Рядом со мной проносится большегруз, издавая адские звуки, и резкий стук на том конце означает, что моя собеседница всё поняла.

— Где ты? — кричит она, не давая времени ответить на первый вопрос.

— Я на трассе 101, где-то... — я пытаюсь прикинуть, на каком участке пути меня спустило на обочину, но не могу

сориентироваться. Голова немного кружится от усталости.
— Не знаю где. Скоро пересеку границу Орегона.

Дрожащий выдох, что я упорно сдерживала, вырывается на поверхность.

— Ну и как ты там оказалась? — говорит она нравоучительным тоном.

— Оу, — я делаю паузу, втягивая в себя воздух.

Мои попытки удержать слёзы внутри безрезультатны. Сейчас, если я скажу хоть слово и впущу в себя хоть один глоток кислорода, слёзы потекут ручьём. Только сдерживаемое дыхание позволяет всхлипу остаться внутри, время идёт, и Джессика тихо зовёт меня по имени, отчего душевный предохранитель лопається с оглушающим звуком — в виде моих рыданий.

— Я застала Дерека с Тессой, — шепчу я, поспешно стирая слёзы рукавом. Прошло два дня, но каждый раз, когда я произношу это вслух, я будто снова переживаю тот день как в первый раз. — Так что можешь сдать билеты — свадьба отменяется, — пытаюсь бодро проговорить следом, но сопли мешают сделать это чётко.

— Ох, Сеси, детка, мне так жаль... Я не могу поверить... — я слышу, как она тоже плачет. Чувствовать грусть в голосе своей всегда счастливой подруги вдвойне больнее.

— Разве я недостаточно старалась, чтобы быть для него идеальной, Джесс?

С ней я всегда могу произнести вслух вопрос, который

гложет меня каждую минуту, пока я бодрствую. Всё, чего мне хотелось — сделать его счастливым. Я была самой красивой, ухоженной, образованной. Знала имена всех его партнёров, их жён и детей. Организовывала званые вечера. Была душой компании. Я делала всё, чтобы он был горд.

— Сеси, ты великолепна! — Джесс говорит уверенно, и я знаю, что она искренне в это верит.

— Но этого всё равно недостаточно, чтобы...

Джессика — единственная, кто знает обо мне всё. С детства мы обменивались звонками, письмами и короткими сообщениями. С ней мы сбегали из дома, чтобы погулять по городу, ходили на свидания с мальчиками. Мы вместе попробовали сигареты, алкоголь, даже девственности я лишилась на диване в её гостиной. Джессика была мне сестрой, которой у меня никогда не было.

— Нет, даже не думай об этом. Поговори с ним, я уверена, что он всё объяснит.

Это звучит как удар. Я не хочу слышать от неё то же, что говорила моя мама. Но и злиться на неё не стоило — Джессика не хочет меня обидеть. Мне не нужно спрашивать её об этом, чтобы знать. Но щемящее чувство внутри ещё сильнее скребётся от мысли, что она просит меня пойти к нему.

— Я всё решила. Я не буду с ним разговаривать. Когда решу вопрос с машиной и доберусь до места — перезвоню тебе.

— Сеси, я не это имела в виду! — последнее, что я слышу,

нажимая кнопку отбоя на телефоне.

Пока мы говорили, стало ещё светлее. Машина остыла, и теперь я мёрзну только сильнее. Пряча лицо в колени, я даю слезам высохнуть после разговора с Джессикой, когда слышу тихое шуршание гравия.

— Не сиди на холодном, простудишься, — приятный мягкий тембр вмешивается в моё личное пространство.

Вначале в поле зрения попадают коричневые тимберленды и тёмные джинсы. Я игнорирую мужское присутствие — мозг отказывается быстро анализировать, грозит ли мне опасность, и я предпочитаю замереть, пока не станут ясны его намерения.

Не дождавшись моего ответа, незнакомец садится на корточки, заглядывая мне в лицо. Внимание сразу цепляется за его внешность: мягкие, слегка выующиеся волосы, карие глаза и прямой нос. Лицо кажется очень знакомым, но я никак не могу вспомнить, где его видела. Он высокий — даже присев на уровень глаз, он кажется огромным по сравнению со мной. Слегка склонив голову, парень молчит, ожидая моей реакции.

— Нужна помощь? — продолжает он, улыбаясь, и на щеках появляются ямочки.

Глава 3. Не нравится, когда на тебя вешают ярлыки?

— Я Эйден, — он внимательно осматривает машину за моей спиной и снова переводит взгляд на меня. — Ты можешь встать?

— Сесилия, — отвечаю я, и лицо собеседника становится хмурым.

Эйден протягивает мне ладони, его тёплые глаза неотрывно смотрят. От его внимания хочется спрятаться, как будто он видит и сразу отмечает каждую каплю туши и выбившуюся прядь. Поспешно вытерев лицо рукавом, я позволяю ему подтянуть меня вверх. Удерживая ладони, он внимательно осматривает моё тело и цепко отмечает на мне каждую деталь. От толстовки до голых ног.

— Ты не ушиблась? Болит что-нибудь? — осторожно спрашивает Эйден, всё ещё не отпуская меня от себя.

Макушкой я едва достаю ему до подбородка. Под таким пристальным вниманием мне хочется сжаться. Тепло его тела и горячие ладони почти обжигают, и я понимаю, насколько сильно замёрзла. Сейчас я, как кошка, хочу прильнуть к его горячему телу и согреться.

— Нет, всё в порядке, спасибо.

Небольшое расстояние между нашими телами сокращается. Моя сила воли, как змея-искусительница, обвивает меня кольцами, и я касаюсь молодого человека. Почувствовав нестерпимый жар, я резко одёргиваю себя и делаю шаг назад, натыкаюсь на капот и падаю на машину. Но Эйден всё ещё держит меня за руки, не давая скатиться обратно на землю.

Он резко дёргает меня на себя, возвращая вертикальное положение. Положив руку мне на спину, он совсем не оставляет между нами воздуха.

— Эй, эй, расскажи мне, что случилось, я помогу, — Эйден отпускает меня быстрее, чем я успеваю запротестовать.

Вместо того чтобы уйти, он снимает свою куртку.

— Ты холодная, как ледышка, — он заносит её над моими плечами и ждёт согласия, прежде чем набросить одежду на меня.

Я неуверенно киваю и сразу попадаю в облако мужского тепла и запаха лёгкого парфюма. Мягкая кожа куртки ощущается приятным весом, просунув руки в рукава, я обнимаю себя, кутаясь в его тепло, как в кокон.

— Что с машиной?

Эйден медленно обходит автомобиль, оставив меня у бампера, подмечая оторванное зеркало и каждую царапину бочины. Он, как любопытная собака, обходит её по кругу, выискивая повреждения.

— Ты уснула?

Внезапная грубость его фразы заставляет меня напрячь-

ся. Я слишком устала, чтобы сохранять маску вежливости и оставаться милой, поэтому ошетилившись, отвечаю резко, как бы никогда не позволила себе общаться с незнакомцем.

— Не уснула. Что случилось с машиной, тебя не касается, — отвечаю я.

Парень замирает у водительской двери и вскидывает голову. Сначала на его лице появляется удивление, а потом ухмылка.

— Сеси, ты уснула за рулём? — повторяет он с мягким уточнением, и моё лицо заливают непрощеное смущение.

Так меня называет Дерек. От того, как Эйден произнёс моё имя, внутри что-то запротестовало, желая сбросить это имя, как насекомое, ползающее под футболкой.

— Меня зовут Сесилия, — я поправляю его грубее, чем требуется. Сжимаю кулак и чувствую, как кольцо на пальце впивается в кожу ладони, напоминая о своём присутствии.

Эйден хмыкает и отвечает мне, положив руку на грудь:

— Простите, миссис...

— Мисс.

— Простите, мисс, вы уснули за рулём? В вашем состоянии отправляться в путь снова опасно, могу предложить подвезти до городка неподалёку. А после сна вы вернётесь и заберёте автомобиль, — он манерно размахивает руками и почти кланяется, отчего теперь меня заливают не стыд, а ярость.

Предложение Эйдена заманчиво. Только при мысли о сне

ноги стали наливаться усталостью. А глаза — тяжестью. Я бы уже легла на заднее сиденье автомобиля и попыталась вздремнуть, правда, я точно знаю, что даже через час эта колымага не двинется с места, а Эйден — раздражающий, но единственный кто протянул руку помощи, и если я упущу возможность, вероятно, задержусь здесь не на один час.

— Она не заводится, — шиплю я сквозь зубы, и Эйден удивлённо поднимает брови.

— Ты позволишь? — спрашивает он.

Я киваю, в надежде, что эта сварливая машина поддастся мужскому вниманию. Как и я, наблюдающая за стройным мускулистым телом, приделанным к этой самодовольной голове.

Эйден садится за руль и пробует завести машину, его попытки тоже не имеют успеха. Куртка остыла, и я посильнее укутываюсь в неё, чтобы как можно меньше контактировать с холодным воздухом. Подвижек нет, и я мысленно мирюсь, что мне ещё долго придётся сидеть здесь, пока хоть откуда-нибудь приедет эвакуатор.

Всё-таки парень сдаётся. Он выходит и смотрит на меня ещё раз, теперь как-то по-другому. Задумчивость делает его старше.

— Ты расскажешь мне, что произошло?

Он говорит спокойно. Каждый мой выпад не задевает его, а лишь веселит. Он медленно открывает капот автомобиля, и на холоде его кожа покрывается мурашками. Эйден даёт

мне свой мобильный и просит подсветить ему внутренности тачки.

Под светом фонаря его кожа с лёгким золотистым загаром становится ещё привлекательнее. Поправив волосы, Эйден ныряет под капот, что-то тщательно изучая.

— Ты был прав, — бурчу себе под нос, — я уснула, вылетела на встречу, почти врезалась в грузовик, едва успела уйти на обочину, только зеркало и краска пострадали.

Поврежденной части не видно, но я всё равно смотрю в сторону, где зияет дыра вместо зеркала бокового вида, пока твёрдая ладонь Эйдена не поправляет мою руку с мобильным, возвращая свет на детали.

Встреपenuвшись, я концентрирую внимание на происходящем, и Эйден продолжает трогать и откручивать какие-то детали.

— Значит, сегодня твой второй день рождения? — подначивает он.

И правда, сегодня перед глазами у меня промелькнула жизнь. И то, что я сейчас стою на своих ногах, и каждая деталь моего тела на месте, — и есть подарок. Судьба снова дала мне возможность жить. Только она не забывает устраивать мне для этого испытания.

— Третий, но да, думаю, это оно, — неосознанно я поправляю его и тут же ловлю на себе заинтересованный взгляд.

Эйден обходит автомобиль и направляется к дороге, там

на противоположной обочине стоит пикап. Пока он копается в кузове, регулярно оглядывается и проверяет меня. Как будто я могу убежать, бросив собственную машину. Всё ещё не сводя с меня взгляда, он возвращается с ящиком инструментов. Он слишком внимательно оглядывает меня, проводя глазами от ног до волос, а после достаёт набор ключей, снова возвращаясь под капот, не проронив ни слова.

— Расскажешь про второй раз? — начинает он. — Здесь нужно покопаться...

Из-под его рук раздаётся скрежет и скрип. Кажется, машина стонет под его натиском, и меня кутают сомнения в правильности происходящего.

— Нет, — я сама пытаюсь заглянуть внутрь. О всех этих железных штуковинах я ничего не знаю, а машина лишь сильнее стонет. — Прости, достаточно ли у тебя квалификации?

Задуматься о его опыте я не успела, прежде чем подпустила его к автомобилю. Если с ним что-то случится, Дерек будет горевать, и хотя я специально взяла тачку, чтобы насолить ему, не возвращать её совсем в мои планы не входит.

— В чём? — он спокойно смотрит на меня, доставая какую-то деталь и рассматривая её на свету.

— В ремонте, — я запинаюсь, изучая его, — это дорогой автомобиль, я не хочу, чтобы ты что-то испортил.

Тем временем Эйден снова чем-то шуршит внутри, разбирая очередную часть автомобиля. Он выглядит сосредото-

ченным, но сейчас его вид не внушает доверия. В гладком, на первый взгляд, образе проступает все больше неряшливых деталей. На одном ботинке шнурки распустились и поистрепались. Джинсы сидят свободно, я подмечаю, что нитки, торчащие в разные стороны, кричат о низком качестве. И он даже не удосужился их убрать.

— У меня есть квалификация, не переживай, — он снова смотрит на меня из-за плеча, теперь задерживаясь дольше, чем при мимолётном взгляде. — Ты можешь погреться в моей машине, пока я здесь смотрю.

Он указывает на свой пикап. А я прирастаю ногами к земле, потому что не могу отойти. Глаза неотрывно следят за каждым движением его рук.

— Эм, нет.

Пока он работает над автомобилем, я то и дело замечаю, как неаккуратно Эйден обходится с деталями, агрессивно обтирая и с силой выкручивая. Я уверена, что она требует нежности. Однажды Дерек чинил автомобиль при мне, и он никогда не обходился со своей девочкой так жёстко.

Когда Эйден неаккуратно бросает в ящик свои инструменты и какой-то кусочек моей машины, я окончательно вспыхиваю.

— Слушай, можешь, пожалуйста, ничего не доставать оттуда, я вызову эвакуатор, и её посмотрит специалист.

Я пытаюсь отсечь ему доступ и втиснуться между ним и машиной. Эйден не придаёт значения моим стараниям от-

теснить его, и отталкивает меня обратно в сторону, слегка качнув бедрами.

— Перестань, я знаю, что делаю, можешь не переживать, — его ухмылка перерастает в откровенную улыбку.

Моё раздражение веселит его, и он наслаждается этим. Он хохочет, вытирая руки и не сводя с меня глаз, а потом направляется на водительское сиденье и снова пытается завести мотор. Машина свистит и затихает, как будто ничего и не было. Тогда Эйден возвращается к капоту, вооружившись ключом побольше.

— Ты... П... Слушай, ты не похож на человека, который в этом разбирается. Перестань.

Я говорю строго, протягивая ему телефон. Помогать и способствовать издевательствам над этой раритетной малышкой я не хочу. Она уже настрадалась, проехав не одну сотню километров под управлением взбалмошной особы, привыкшей к коробке-автомат. А теперь какой-то напыщенный парень из пригорода пытается пустить её на запчасти у меня под носом.

— А как, по-твоему, выглядит человек, который в этом разбирается? Ты ничего обо мне не знаешь.

Эйден встаёт в защитную позу, складывая руки на груди. Его волосы колышет ветерок, опуская пару прядей на глаз.

— Думаю, он старше, опытнее, и в его руках ничего не издаёт таких звуков.

Пока я говорю, я трясущим смартфоном, и тот выскальзыва-

ет у меня из рук, отправляясь на камни под ногами. Эйден ловко перехватывает чёрный прямоугольник и прячет его в карман брюк, продолжая буравить меня взглядом. Он расправляет плечи, серьёзность его тона заставляет бежать по спине мурашки.

— Ты сейчас шутишь?

— Нет, ты мог бы дать мне номер ближайшей мастерской, и я вызову эвакуатор, и всё. Не ломай мою машину, — мой голос звенит грубостью, и в конце я добавляю скомканно: — пожалуйста.

Я пытаюсь опустить опорную стойку и закрыть капот, он тяжелее, чем я могла себе представить. Он не поддается и я выгляжу опозоренной. Рука Эйдена ложится рядом с моей, его большой палец касается моей холодной кисти, отвлекая всё моё внимание на этот контраст. Он с лёгкостью приподнимает капот, и мне, наконец, удаётся опустить упор. С настойчивостью я жду, пока он отойдёт, но Эйден мягким движением подталкивает мою ладонь прочь, чтобы захлопнуть крышку самому.

Я сдаюсь.

Эйден закрывает капот и на секунду прижимается ко мне всем телом. И по ногам ползут непрощенные мурашки.

— Я не могу сломать её больше, чем она уже сломана, — он вытирает руки с остатками масла о салфетку, смотря на машину как на больное животное. — У тебя что-то с двигателем.

— Ты сломал двигатель?

Это звучит как очень серьёзная проблема. В панике я поворачиваюсь к нему, из-за чего Эйден пятится и почти падает, запнувшись о камни.

— Эй, эй, успокойся. Я не ломал двигатель — это твоё вождение окончательно вывело его из строя.

Эйден поднимает руки, и я делаю шаг назад, увеличивая дистанцию. Рядом с ним я чувствую себя маленькой и незначительной. От этого движения он замирает и больше не улыбается, держа перед собой руки в примирительном жесте.

— Я всего лишь съехала на обочину, — продолжаю я, будто ничего не было, — от этого двигатели не ломаются. Не нужно было тебе позволять её трогать. От таких, как ты, одни неприятности.

Я стряхиваю с себя его куртку, сквозь толстовку по мне быстро ползёт холод, заставляя мышцы дрожать в попытке удержать тепло. Эйден не забирает её сразу, поэтому я бросаю её ему в грудь. Хватаясь за волосы, я обхожу машину, будто это поможет найти причину поломки.

— Это от каких? — кричит он мне вдогонку. — Выбирай выражения.

Теперь его строгий голос доносится до меня с расстояния, он замер на месте, не пытаясь идти за мной.

— От молодых и заносчивых, — бросаю я, забираясь внутрь.

Машина холодная и съедает остатки тепла, ещё оставше-

гося от Эйдена. Парень стоит впереди не двигаясь. Сначала он проводит рукой по волосам и начинает расхаживать туда-сюда, как беснующаяся кошка, бубня себе под нос. А потом резко кричит:

— Ну ты и стерва. С возрастом уровень стервозности растёт в геометрической прогрессии? — кидает он мне, когда я в очередной раз пытаюсь безуспешно завести машину.

— Да как ты смеешь! — я остервенело захлопываю дверь и отгораживаюсь от Эйдена.

— Что такое? Не нравится, когда на тебя вешают ярлыки? Кажется, если прямо сейчас она не поедет, я провалюсь сквозь землю перед ним, и последние остатки моего самобладания рассыпятся, как стекло. Мир будто хочет проверить меня на прочность. Сначала Дерек, Тесса, мама, Джесс, а теперь ещё эта чёртова машина пытается вывести меня из равновесия.

За последние два дня в моей жизни по плану произошла только заправка и тапочки на кассе, от ощущения, что мой идеальный маршрут разваливается, на меня накатывает паника. Я с силой сжимаю тонкий руль, смотря на значок в центре. Дыхание на четыре счёта и тишина помогают сосредоточиться, но действительность снова и снова врывается в поле моего сознания, переворачивает мир с ног на голову.

Не знаю, сколько времени я так просидела. Назад меня вернул аккуратный стук в боковое стекло.

Эйден ждёт, не говоря ни слова. Он уже должен был

уехать, но всё ещё остаётся рядом, и только сейчас я понимаю, он единственный, кто действительно хочет мне помочь. Опустив стекло, я высовываю голову наружу и говорю на удивление хриплым и тихим голосом:

— Можешь дать мне номер эвакуатора?

Эйден без слов открывает дверь и, уже не спрашивая, снова надевает на меня куртку.

— Могу дотащить тебя на буксире за час, так быстрее. Тебе будет тяжело ждать в таком состоянии, — спокойно проговаривает он, застёгивая молнию.

Убраться отсюда — моё единственное желание, я чувствую, что это отклонение от маршрута внесёт коррективы в мой план. И хотя моё идеальное путешествие пошло под откос ещё два часа назад, я ещё не готова отпустить надежду.

— Я не уверена, что это хорошая идея.

Эйден вздыхает и заглядывает прямо в моё лицо. Его карие глаза посветлели, но синяки под глазами отчётливые и глубокие.

— Сесилия, — он делает паузу, произнося моё имя, — ты устала, твои пальцы на ногах уже белые. Я не знаю, что у тебя произошло, но я нашёл тебя плачущей и сидевшей на земле. Соглашайся, пожалуйста, побыстрее. Меня очень ждут дома.

— Куда ты меня отвезёшь?

— В Сильвер-Коуст.

Глава 4. Все могут получить любовь

Медленная езда убаюкивает. Я снова проваливаюсь в страну снов или кошмаров. Не уверена, что я увижу, когда моя голова коснётся подушки. Надеюсь, что это будет — ничего.

Пытаясь сфокусироваться на происходящем, я внимательно рассматриваю автомобиль впереди. Чёрный, с осевшей дорожной пылью на кузове, он уже повидал жизнь, и по металлическим частям ползёт ржавчина, разъедающая детали. Пикап спокойно едет вперёд, таща на себе меня и мою несговорчивую машину.

Я согласилась поехать с Эйденом, но всё равно опасалась худшего. Он очень ловко вернул мою машину на дорогу и приладил трос. Это было опасно, незаконно и очень по-деревенски. На мои беспокойства по поводу копов он отмахнулся, оперируя тем, что они ещё спят и мы успеем доехать до завтрака.

— Теперь ты никуда от меня не денешься, — промурлыкал тогда Эйден, пародируя тон Теда Банди.

Сейчас мы ползём в какой-то прибрежный городок, название которого я едва нашла на карте — Сильвер-Коуст. Я

спросила, действительно ли на берегу есть серебро, но Эйден рассмеялся и сказал, что я всё пойму, когда увижу город.

Гугл выдавал какие-то старые статьи про маленький город на берегу Тихого океана. О нём было известно несколько фактов: уединённый частный отдых, идеальное место для хайкинга, местное население — две тысячи человек. Несколько фотографий с цветными домами и жителями. Я упрасивала все силы вселенной, чтобы эта поездка не закончилась моим телом в лесу.

— Мисс, вы не спите? — по телефону раздаётся бодрый голос Эйдена.

Он заставляет меня оставаться с ним на связи всю дорогу, опасаясь, что я могу уснуть и врезаться ему в зад.

Раздражённо вздохнув, я снова включаю микрофон.

— Нет. Нам ещё долго? — отвечаю по громкой связи.

— Примерно полчаса. Я тут подумал, когда приедем, предлагаю сразу заехать в бар, там есть комнаты в аренду, ты сможешь отдохнуть.

Он снова это делает. Его забота граничит с навязчивостью. И каждый раз, когда Эйден спрашивает, как я, моё сердце пропускает удар. За последние три часа эту фразу я слышала чаще, чем за последний год. Я, стараясь прятать раздражение и холод, каждый раз отвечаю.

— Нет, я хочу сразу поехать в сервис, нужно понять, что с машиной.

Мой план катится к чертям. Пока мы едем, я уже прики-

дываю, как пересеку Орегон и окажусь в родном городе. И что буду делать, когда доеду до Сан-Франциско. Впервые за много лет мне снова хочется побыть той Сесилией, бегающей по родным улицам, а не женщиной в зеркале заднего вида. Моё отражение пугает, но я знаю, что стоит принять душ — всё вернётся на свои места. Всё, кроме моего разбитого сердца.

— Как скажешь.

Звук отключается, а вызов всё ещё остаётся активным. Эйден проверяет меня почти каждые пять минут. В первый раз от неожиданности я чуть не отпустила руль.

Посмотрев вперёд, я различаю его макушку, он весело двигается. Я сразу представляю, как он радостно пританцовывает за рулём. Стоит этому образу укорениться, я тут же шлёпаю себя по бедру, стараясь привести в чувство. Не стоит мне засматриваться на него. Не нужно пытаться увидеть в нём то, чего нет. То, что я вижу — лишь слои иллюзии, которую он медленно будет срывать с себя, показывая истинное лицо.

Так всегда делают люди. Они милые, пока очередная сорванная маска не откроет всё внутреннее уродство.

Пришлось заставить себя отвести взгляд прочь от моего провожатого и любоваться густым лесом. Чтобы добраться до города, нам пришлось съехать с главного шоссе и оказаться среди густых хвойных деревьев. Стройные стволы уходили ввысь, пряча нас от солнца, что уже по-весеннему припе-

кало, по мере того как день набирал силу.

Запах был удивительно насыщенным. Я только привыкла к аромату соли и рыбы, доносящимся с океана, как меня окутывает лесная свежесть и хвоя. Уже пятнадцать минут мы едем в уединении, мимо не показывается ни одного автомобиля, а по дороге всё чаще начинают попадаться развилки с разными фамилиями на табличках. Мне хочется оказаться в каком-нибудь доме в сердце леса, вдали от шумных соседей и сплетниц, окружающих каждый шаг твоей жизни.

Интересно, каково это — жить вдали от всех.

Дорога как будто не кончается. Я уже хочу позвать Эйдена ещё раз, когда мы пересекаем границу леса. Впереди, в небольшом углублении, показываются крыши маленьких домиков.

Голубые, белые и зелёные строения, один-два этажа, не более. Стоят кучками, теснясь друг к другу как можно плотнее. Такие рыбацкие деревушки мне только предстояло увидеть в моём путешествии вдоль берега, но эта маленькая жемчужина другая. Все домики плавно уходят к воде, и вдали под солнечными лучами блестит полоса пляжа, мерцающая на свету белыми бликами, будто серебром.

— Сесилия, следи за дорогой, — серьёзный голос Эйдена доносится из мобильного. Я отвлеклась и позволила дистанции между нами сократиться, аккуратно притормаживая, возвращаю между нами подходящее расстояние, и снова разглядываю город.

Где-то там его кто-то ждёт.

Неосознанно я перевожу взгляд на свою руку. Кольцо как будто сразу становится тяжелее, я уже привыкла не замечать его. Но каждый раз, вспоминая о его существовании, в груди тоскливо ноет. Как будто я опять стою у двери лифта и вижу, как он обнимает её. Не меня.

Снова взглянув на пикап, я чувствую укол зависти. Эйден молод, красив и до безобразия развязан, но там, в этой кучке зданий, притаился уголок, в который он спешит вернуться.

Когда Эйден объяснял мне, куда мы поедem, его глаза блеснули. словно мысли о доме горели в нём огнём. Я не спрашивала, кто его ждёт, это было бы бестактно с моей стороны, но любопытство ест меня поедом всю дорогу. Когда он крепил трос к моей машине, я даже успела заметить внутри его тачки детское кресло. Небольшое, розовое, с белыми цветочками.

В одном из этих ярких красивых домов его ждут и любят. Этот образ снова возвращает меня в настоящее. Сжав руль, я смотрю вперёд, не моргая, стараясь держать глаза на свете габаритных огней и мигании аварийного сигнала. Жёлтый, красный — память подбросила мне звук сирены скорой помощи, абсолютно непрощеный.

Сморгнув навязчивую слезу, я в очередной раз тру глаза рукавом, отгоняя от себя образы, которые обещала забросить в самый дальний край своей жизни. Как раз вовремя моё внимание притягивают улочки, появившиеся в поле зре-

ния.

Город маленький и не оживлённый, вдоль улиц спешит несколько людей, активно здороваясь друг с другом и помахивая проезжающим автомобилям. Каждый первый здоровается с Эйденом и округляет глаза, когда взгляд падает на мою машину.

От одного края города до противоположного мы едем пятнадцать минут, пропуская нескольких пешеходов, в конце концов подъезжаем к мастерской.

Белое двухэтажное здание с двойными гаражными дверями. Обшитое деревянными рейками с уже старой белой краской, от солёного морского воздуха она уже потрескалась, и домик, когда-то блестящий в летних лучах, потемнел и отливает серым даже под ярким солнцем.

Эйден аккуратно останавливается на подъездной площадке, и я следом даю по тормозам, чтобы не врезаться в задний бампер. Мастерская ещё закрыта. Внутри стоит темнота, территория неряшливая, в клумбах по бокам только сухая трава, смятые пустые банки и пепельница у входа, наполненная окурками, портит весь вид.

Мой провожатый выходит из машины, и я следую за ним. Ноги как будто налились свинцом. От долгого сидения в одном положении колени затекли и отказываются двигаться плавно и грациозно. Мне срочно нужна долгая прогулка.

Видя мои скованные движения, Эйден подходит ближе и подаёт руку, я лишь зыркаю на него, заставляя оставаться

на месте. Он бодр и свеж, а я похожа на разваливающуюся колымагу. Парень пожимает плечами, но не отходит далеко, пока не видит, что мои движения пришли в норму. Мне даже приходится сделать пару прыжков на месте, чтобы его поза расслабилась.

— Джонни обычно открывается через час, но я потороплю его, — с этими словами Эйден уходит за угол дома.

Там на верхний этаж идёт узкая наружная лестница, даже отсюда я слышу, как входная дверь сотрясается под уверенными мужскими ударами.

— Эй, старик, у тебя посетители!

Пока Эйден громогласно зовёт местного механика, я робко осматриваюсь. По соседству, на приличном расстоянии, находятся жилые дома. Свежая весенняя трава уже пробивается во двориках. В округе нет ни одного забора, только почтовые ящики, выкрашенные в разные цвета. Лазурный, белый, зелёный и оранжевый — каждый из них броско и гордо стоит у дорожки в нетерпении получить почту.

На улице никого нет, только свежий ветерок колышет мои пряди, пока я беззастенчиво разглядываю двухэтажные дома. Город так мал, что, кроме центральной улицы, где ряды значимых зданий стоят плотно друг к другу, весь остальной городок выглядит как один большой пригород.

От разглядывания меня отвлекает ощущение влажного прикосновения. Резко опустив голову, я натыкаюсь на ярко-рыжее мохнатое существо — собаку. Отпрыгнув назад, я

взвизгиваю, а животное прижимается к земле, испугавшись моего крика. Висячие ушки плотнее прижимаются к голове, а глаза начинают метаться вокруг, ища опасность.

По лестнице раздаются торопливые шаги.

— Что случилось? — Эйден осматривает меня и округу, игнорируя пса под ногами.

— Он напугал меня, — сдавленно пишу я, тыча пальцем в собаку.

Зверёк, уже осмотревшись и не найдя угрозы, снова пытается подойти ближе, но я прячусь за Эйдена. Ничего не могу поделать с собой. Когда я была маленькой, щенок Джесс всё время таскал меня за косички и больно кусался. И с тех пор я не могу терпеть общение с этими животными. Даже когда собака подросла, я обходила их стороной.

— Сесилия, это просто собака. Они не агрессивны к людям, не бойся.

— Он живёт на улице, — я показываю пальцем на жёлтую бирку на ухе, — он грязный и блохастый. Я не хочу, чтобы он меня трогал.

Я готова сказать всё что угодно, лишь не признаваться, как сильно я боюсь собак.

Вместо того чтобы отойти, Эйден садится на уровень пса и начинает чесать того за уши. А я наблюдаю за тем, как под натянутой футболкой перекачиваются мышцы спины.

— Это девочка. — Под натиском его заботливых рук собака ластится, — И они у нас здесь очень хорошие, будь по-

вежливее.

Даже его замечание звучит как ласковая просьба.

— Я... — в этой ситуации я не хочу выставять себя жестокой стервой ещё больше, — просто я не привыкла. За животными должны ухаживать и заботиться, и тогда всё будет в порядке, всем требуется уход.

— Мисс, мы живём не в идеальном мире, и не все, кто этого заслуживает, получают уход. Но все могут получить любовь, — он не поворачивается, продолжая ласкать собаку. А я окончательно теряюсь. Не в силах больше смотреть на него, я тут же перескакиваю на то, ради чего мы здесь и собрались.

— Что там с мастером?

— Сейчас спустится.

Пока мы ждём, девочка не убегает. Получив свою дозу любви, она заваливается рядом со столбиками шин, греясь под солнечными лучами. У входа стоит поилка с водой, похоже, собака частый гость этой мастерской.

Спустя несколько минут по лестнице раздаются тяжёлые шаги. Сначала из-за угла показывается живот, а лишь потом мужчина. Он чуть ниже меня ростом, светлые волосы с проплешиной и небритая недельная щетина. Всё это прибавляет ему ещё больше возраста. При виде меня и моей машины брови старого механика ползут вверх.

— Это Mercedes-Benz 280SL Pagoda? Боже, что с ним стало?

Мужчина обходит машину по кругу, так же как несколь-

кими часами ранее это делал Эйден. Он осматривает царапины и нежно трогает места удара.

— Неприятности на дороге. Она не заводится, можете посмотреть, что с ней?

Джонни-механик трёт лысину и присвистывает, не отрывая глаз от машины. Тогда Эйден подаёт голос, не поднимая головы.

— Как будто топлива не качает, док. Больше не смог понять.

Это звучит как что-то серьёзное. И на меня снова накатывает панический жар. Мне бы не хотелось застревать непонятно где, я жажду уехать подальше от Портленда, и застрять у чёрта на рогах в мой план не входит. Я даже не рассматривала сценарий, если мне придётся здесь задержаться. Видя, как механик активно мотает головой, меня переполняет злость.

— Ты не механик и не можешь знать наверняка, — отрезаю я, испепеляя его взглядом, и снова обращаюсь к Джонни: — Посмотрите, пожалуйста, что с ней, как специалист, — делаю я акцент на последнем слове.

Джонни смотрит на меня, нахмурившись, а Эйден сопит за спиной. Мои слова прозвучали как детская истерика, и я явно перегибаю палку. Но ощущение, как всё вокруг разваливается, заставляет меня быть невыносимой даже для самой себя.

— Посмотреть такую будет для меня удовольствием.

Только раз проблемы с подачей — будет небыстро, — механик пожимает плечами и идёт в гараж, не открыв капота у машины.

— Вы же даже не посмотрели, — протестую я.

— Посмотрел Эйден, — он машет рукой мне за спину, но я отказываюсь поворачиваться, — оставляя машину, я до завтра гляну.

— Подождите, вы можете посмотреть сейчас, может быть, он что-то не увидел, и поэтому она не заводится, ведь он не мастер.

Я настаиваю на своей версии, игнорируя здравый смысл, парень за моей спиной ругается сквозь зубы. Он дёргает мой локоть, поворачивая к себе, касание лёгкое и почти не ощущается.

— Я говорил тебе, что я ничего не ломал, — произносит он на два тона ниже, отчего по спине бегут тревожные мурашки.

— А ещё говорил, что у тебя нет лицензии, — парирую я, демонстративно забирая руку.

— Да к чёрту, — рычит он.

Эйден стискивает челюсть так, что желваки заходили под кожей.

Подойдя к пикапу, он отдёргивает от своей машины трос и, бросив его на землю, направляется на водительское сиденье.

— Эйден! — Джонни кричит ему, когда мотор рычит, и

мой недавний спаситель, резко вывернув руль, мчится прочь, поднимая пыль.

— Пока док, заходи вечером, — кричит Эйден напоследок, проносясь мимо нас.

— Ну так что? — посмотрев на удаляющийся чёрный автомобиль, я возвращаюсь к насущному разговору, будто ничего только что не произошло.

Джонни стоит, подперев руками бока, и смотрит на меня сверху вниз, хотя из нас двоих именно у меня был более внушительный рост.

— Эйден работал со мной каждое лето с четырнадцати лет, — он не старается скрыть своё возмущение, — и если он уже посмотрел, мне нужно разбирать машину, так что оставь ключи и номер, я позвоню.

Его тон не подразумевает возражений. Механик бросает меня у машины, скрываясь в гараже, не сказав больше ни слова. Эта ситуация будто вцепилась в меня клещами, отказываясь отпустить. Я не хочу оставаться здесь, мне нужно соблюсти маршрут и добраться до места вовремя, а теперь я застряла в городе на какое-то время.

— Я так надеялась, что всё обойдётся... — бормочу я, догоняя ворчливого механика. — Подскажите, где бы я могла остановиться?

— Хм... Даже не знаю, — ворчит тот, даже не глядя на меня. — Иди в магазин Бишоп на главной улице, там продаются хозтовары и сувениры, у Хейли найдётся что-нибудь.

— Эйден говорил, что я могу остановиться в баре, это не будет ближе?

Он оборачивается, пронзая меня взглядом, посылающим проклятья. Я уже понимаю, что он хочет мне насолить. Но как именно, мне ещё предстоит узнать.

— Думаю, всё-таки лучше к Хейли.

Так, в сланцах, шлёпающих по пяткам, в большой мужской куртке, которая ещё пахла моим спасителем, и с чемоданом, который клацал по асфальту колёсиками, я отправляюсь вглубь городка, в поисках ночлега. Неизвестно, надолго ли мне придётся здесь остаться. Но пока я не готова бросать машину подаренную родителями Дерека здесь, в никому не известной дыре. Я двигаюсь по достаточно широким улочкам, в голове складывается план нового маршрута, не такого идеального, но всё ещё обещающего довести меня до пункта назначения.

И хотя мой идеальный план немного пошёл под откос, я не позволю ему окончательно развалиться. Это путешествие, нацарапанное на коленке в мотеле Портленда, должно быть подвластно моему контролю от и до. И я сделаю всё, чтобы хотя бы это в моей жизни не сломалось.

Глава 5. С этим проблем не будет

В городке всего одна улица, собравшая у себя все местные достопримечательности. Я иду вдоль магазинов со старыми стеклянными витринами, внутри которых прячется целый мир. Проходя мимо очередного произведения искусства, я запрещаю себе задержаться. Но только пройдя картину, вспоминаю, что торопиться мне некуда.

Меня сегодня никто не ждёт.

В витрине находятся два манекена, одетых в стильную одежду. Они сидят за столиком с расставленным сервизом. Их маленький искусственный мирок идеально обставлен. Глазу даже не за что зацепиться. Идеально.

Очередной порыв ветра с океана забирается под куртку, кусая кожу. Поэтому я не отказываю себе в удовольствии забрести в этот магазин одежды.

Почти на каждом доме вдоль улицы висит винтажная деревянная табличка с элегантной припиской года открытия. Городок довольно стар. Вывеска гласит, что магазин существует более восьмидесяти лет.

Дверной колокольчик звенит, оповещая о моём появлении. На звон из заднего помещения выходит женщина средних лет. Ей не более пятидесяти, или она, как моя мама, тщательно следит за собой, пряча каждый год, омрачающий

её внешность. На ней элегантный костюм нежно-розового оттенка с перламутровыми пуговицами. Стрелки на брюках безупречно отглажены, добавляя образу строгости. Макияж наложен идеально ровно, волосы уложены утонченными локонами. От вида этой безупречной леди я облегчённо выдыхаю, ощутив себя на своём месте.

Но это оказалось ненадолго.

— Могу вам что-нибудь подсказать? — её недовольный взгляд пренебрежительно проходит по мне.

Мой мятый вид посреди её идеального магазина совсем выбивается. Обувь не по погоде, чужая бесформенная куртка и причёска, требующая мытья.

В голове сразу вырисовывается, как мама, сморщив свой аккуратный курносый нос, пренебрежительно приподнимает прядь моих засаленных волос и тащит в ванну, чтобы привести меня в порядок.

«Сесилия, ты должна выглядеть безупречно, если хочешь быть достойной».

Под пристальным вниманием мне хочется укрыться и не показываться на глаза. Но я уже здесь. У меня больше нет сил ходить в этой одежде, и в моём чемодане не припрятан набор для холодной весенней погоды. Внутри лишь пара брючных костюмов, туфли для командировки и пальто, в котором просто невозможно сесть за руль, чтобы не устать поправлять его каждые десять минут.

Я не готовилась к побегу, а взяла то единственное, что

могла быстро унести с собой.

— Здравствуйте. Я хотела приобрести пару ботинок и куртку...

Женщина проходит по мне странным взглядом, отмечая места, которые и так горят от дискомфорта. Словно она видит меня насквозь. Под её натиском я касаюсь рукавов куртки, которые и так прикрывают руки до кончиков пальцев, но мне всё равно нужно убедиться, что всё на месте. Её глаза прищуриваются, но после она натягивает снисходительную улыбку — прямо как моя мать.

От вида её превосходства хочется убежать.

— Думаю, могу предложить вам пару вариантов, — произносит она и зовёт подняться.

На втором этаже сложены менее дорогие вещи: больше хлопка, фланели, флиса. Ткани грубые и блёклые по сравнению с лёгкими материалами платьев и кружева внизу. Как будто они для другого мира.

Это не мой повседневный стиль. Но и одежда, купленная здесь, будет лишь временной заменой. Пока я брожу между стеллажами, женщина садится за журнальный столик в углу и начинает медленно следить за мной.

Я не испытываю дискомфорта от её осторожной слежки и неторопливо перебираю все женские куртки. В скудном ассортименте фасонов и размеров я нахожу один подходящий вариант, но стоит мне снять вешалку со стойки, женщина тут же оказывается рядом.

— Я помогу, — она улыбается, и я замечаю, что её взгляд падает на мою левую руку.

Похоже, моё кольцо успело блеснуть своей ценностью, повысив и мою себестоимость.

Отмахнувшись от её предложения, я выбираю пару новеньких укороченных ботинок на замысловатой шнуровке, куртку по размеру с утеплённой подкладкой и кроссовки.

Сбросив с себя чужую одежду, я чувствую себя оголённой. Как будто тяжесть, свалившаяся с плеч, была не ношей, а щитом. Теперь под взглядом женщины в розовом костюме я с тревогой пытаюсь натянуть на себя ещё слой одежды, пока она не прожгла меня насквозь. И ощущаю, как рукава моей толстовки предательски задираются.

Пока я рассматриваю обновку, продавщица приносит мне стопку одежды, которую я не просила. Её улыбка скошена на одну сторону, видно, как она очень довольна собой, протягивая мне одежду.

— Вот это вам бы тоже подошло. Вижу, ваша толстовка поистрепалась. Немного нарядов на смену.

От её навязчивости мне не по себе. И я с усилием держу руку на шве брюк, чтобы жесты не выдавали тревоги.

— Спасибо, но мне пока хватит куртки.

Она предлагает мне не только куртку, но и утеплённую кофту для внезапно холодной погоды с океана. Ткань нежно-голубого цвета контрастирует с моими серыми глазами и, кажется, лицо приобретает болезненный оттенок.

Пока я крутилась перед зеркалом, женщина с хмурым видом разглядывает куртку Эйдена, а после резко произносит: — Это куртка Эйдена Миллера?

Миллер. Он не назвал мне своей фамилии, но она, конечно же, ему идёт. По лицу женщины читается какое-то недовольство.

— Кажется, да. У меня сломалась машина, молодой человек подвёз меня, — бросаю я через плечо.

Она меняется в лице, будто я стою и порчу её одежду. Всю снисходительность как рукой снимает, и вот передо мной снова появляется образ моей надменной матери. Я поспешно сбрасываю с себя куртку. Рукава задраны почти до локтей и лишь чуть-чуть прикрывают предплечья, оставляя кожу открытой. Мне требуется секунда, чтобы спустить их. Но и этого времени хватает, чтобы она разглядела всё. Её поджатые губы и сморщенный лоб красноречиво говорят, что шрамы не остаются незамеченными.

Не желая это терпеть, я передаю ей одежду с просьбой расчитать меня.

Женщина держится достаточно осторожно, складывая мои новые покупки в пакет. Расплачиваюсь с ней и уже собираюсь идти дальше, когда продавщица, хватая свёрток с курткой моего спасителя, решает задержать меня.

— Можете оставить её здесь, моя Лиззи постоянно с ним видится, — говорит женщина, оттягивая пакет на себя.

— Думаю, это будет неудобно.

Сдаваться в этом споре я никак не планировала. Её образ, тон и манеры отталкивающи. Поняв, что я не отпускаю свою ношу, женщина говорит нежным, елейным тоном. Так всегда делает мама, когда хочет заставить меня надеть платье, которое ей понравилось.

— Вы же у нас не задержитесь. А мы с Эйденем постоянно общаемся. Это будет удобно.

Почему-то стало неуютно от её желания поскорее избавиться от меня. Она выглядит как человек, скрывающий какие-то мотивы. И почему-то они не кажутся мне благородными.

— Я настаиваю, — говорю я и тяну на себя пакет.

Её хваткие пальцы разжимаются, и я вылетаю на улицу, прижимая к себе свёрток. Мне было бы проще оставить его там и забыть об этом дне навсегда. Но эта куртка отличный предлог, чтобы встретиться и извиниться.

В поисках хозяйственного магазина я то и дело ловлю на себе любопытные взгляды прохожих. Улыбки прячут под собой первую хмурую эмоцию, проступающую на лицах местных, но я делаю вид, что не замечаю их негодования. Видимо, в этом маленьком городке совсем не жалуют приезжих.

С каждым шагом вдоль улиц будто запах соли и водорослей становится сильнее. На всех домиках виднеются следы сырости. Магазины товаров так и не появляется, хотя впереди уже маячит линия берега.

Мне уже начало казаться, что механик отправил меня в

место, которого не существует. Пока я не добираюсь до конца улицы, пересекающейся с прибрежной дорогой, где стоит нужный синий дом.. Большие прозрачные окна выходят прямо на берег, впуская внутрь солнце. Я бы не назвала этот магазин хозяйственным, он скорее похож на большую лавку, в которой можно купить всё для отдыхающих, от палаток до морских сувениров.

На первом этаже меня сразу встречают многочисленные товары. Ракушки в виде различных фигур — натуральные и раскрашенные, магниты, брелоки, фотографии, футболки. Небольшое помещение на несколько квадратных метров заполнено причудливыми предметами.

— Добро пожаловать!

Из-за прилавка меня окликает бабуля. Ниже меня на полголовы, полновата, а на лице виднеется белый отпечаток, будто кто-то содрал кожу с правой щеки. Волосы цветом напоминают смесь перца с солью. Но улыбка блестит белизной.

— Здравствуйте. Я ищу Хейли Бишоп.

Внутри пахнет краской и чем-то незнакомым. Половицы скрипят под моими ногами, когда я подхожу ближе к стеклянному прилавку.

— Ты нашла её, дорогая. Мы знакомы? — женщина внимательно разглядывает меня. Новая куртка застёгнута наглухо. Ботинки уже на ногах, но я всё ещё чувствую себя так, будто одета не по погоде. Взгляд старушки слишком пристальный, и я в очередной раз за день хочу провалиться

сквозь землю.

— Нет, я остаюсь в городе на день, и мне сказали, что у вас можно снять жильё.

— А почему ты не пошла в бар Миллера? Хотя, наверное, не хочется спать неподалёку от пьяных мужиков. Прости, милая, но я могу предложить тебе только дом.

Миллер. Кажется, так назвала Эйдена женщина из магазина одежды. Неужели он хотел предложить мне остаться у себя? От этой мысли мне становится ещё более совестно — оттого, что каждую его протянутую руку я отталкивала не задумываясь.

— Главное, чтобы в нём была кровать и горячая вода, — сухо заключаю я.

Что бы я ни наговорила, дороги назад уже не было. А спать мне хотелось сильнее, чем есть.

— Думаю, с этим проблем не будет, — старушка внимательно оглядела меня и прищурилась, отчего пятно на её лице забугрилось. — Ох, знаю я один домик, который будет тебе по душе...

Она улыбается каким-то своим мыслям.

— Ты уже встречалась с Эйдемом? Слышала, он привёз в город девушку на дорогой машине, — она задорно подмигивает мне, ища что-то в ящике прилавка.

Я только вытаращилась на неё, не веря своим ушам. Неужели новости о моём прибытии докатились даже сюда?

— Как интересно. Вот ключи, — бабуля, не дав мне опом-

ниться, бодрым шагом понеслась к выходу. — Давай я тебя провожу.

Это навязчивое давление местного общества становится удушающим.

— Я справлюсь, спасибо. — Мне хочется оставить старушку здесь. Какой бы милой она ни была.

— Прости, милая, но я думаю, мне стоит проводить тебя и включить бойлер самой. Мы уже наслышаны, — последнее она добавляет весёлым тоном.

Значение этой фразы от меня не ускользает. Похоже, маленький мальчик успел пожаловаться, как его обидели; моё лицо, залитое красной краской, говорит всё за себя.

— Не злись на мальчишек. Девушка в беде никого не оставит равнодушным, особенно если над ней можно немного посмеяться, — она пытается приободрить меня, уже выйдя наружу. — Ты идёшь?

Злость хлещет во мне волнами и бьётся о край моей маски собранности. Чемодан грохочет по низким ступенькам, а Хейли, закрывающая магазин, хихикает от моей реакции.

— Поверить не могу, что слухи расползлись быстрее, чем я добралась до магазина, — шиплю я, дожидаясь, пока Хейли меня догонит.

— Ах, Джонни, наш главный сплетник, предупредил меня, что ко мне придёт обворожительная гостья из большого города. И посоветовал брать побольше денег, — говорит Хейли, отчего у меня пропадает дар речи. — Нет-нет, я не

буду гнуть цену.

Хейли неправильно трактует мою реакцию. Множество незнакомых людей и печальных событий свалились на меня как снежный ком всего за трое суток. И деньги были самым маленьким, что я могла бы отдать взамен за спокойствие.

— Возьмите любые деньги, главное, чтобы машину починили побыстрее, — бормочу я.

— Не говори этого жадному старику, а то обдерёт до нитки, — она хлопает меня по плечу, забирая пакет с вещами.

Её лёгкой походке можно позавидовать. Ей не меньше шестидесяти, но она умудряется идти быстрее меня. В попытках догнать Хейли ноги начинают слегка путаться.

Вдоль берега стоят небольшие двухэтажные домики, сделанные по одному шаблону. Низкое крыльцо; на первом этаже, похоже, ютились кухни и гостиные, а выше располагается не более двух спален. У некоторых заколочены ставни, и лишь иногда у подъездной дорожки ждёт автомобиль, сигнализируя о востребованности жилья.

Похоже, здесь или маленькие семьи, или арендное жильё.

— От кого ты бежишь, милая? — вдруг заговорила Хейли, отрывая меня от созерцания видов.

— Я не бегу, — быстро отвечаю я.

Моё лицо остаётся неподвижным, скрывая все эмоции под слоем усталости. Хейли идёт рядом, подставляя под мой обзор изуродованную половину лица. Сейчас, когда она близко, и я могу разглядеть, как местами рубцовая ткань

идёт буграми, особенно ближе к виску. У меня тоже были похожие шрамы. Только я ещё ни разу в жизни не решилась показать их миру.

— Вот как. Так не бежишь, что ходишь в обуви не по сезону? — она пытается уличить меня в нечестности, но на её фразу я выбираю гордо промолчать.

Я не хочу ей врать сильнее, чем уже это делаю, но и вдаваться в подробности перед незнакомым человеком тоже не намерена.

В конце концов, миновав примерно десяток зданий, мы доходим до небольшого домика цвета яичной скорлупы. Его украшают жёлтые ставни и голубая лестница, ведущая на крыльцо.

— Ладно, милая. Мы пришли, — говорит Хейли, отпирая входную дверь, — я запущу бойлер, горячая вода будет через двадцать минут. Дом прогреется к ночи. Оплата — после выезда, и я принимаю только наличные.

Хейли уходит в техническое помещение, а я, бросив чемодан, бреду до гостиной. Панорамные окна во всю стену открывают вид на воду. До океана около двухсот метров, но пейзаж умопомрачительный. Упав в кресло, повёрнутое к окну, я вытягиваю уставшие ноги и замираю. В голове к этому времени нет ни одной мысли, кроме как подняться и забраться под одеяло.

Меня окружает тишина.

Мысли, метавшиеся внутри меня, затихают на мгновение,

оставляя меня наедине с волнами и птицами, летающими над водой. Они, словно горстка белых рисинок вдалеке, кружатся на ветру, взлетая и падая. Зелёный океан плещется у берега, поднимаясь ввысь и разбиваясь о камни белой пеной. Там, за стеклом, жизнь пульсирует.

Кажется, в этом коконе, затаившемся между скалами, целый мир — спокойный и умиротворённый. А я — застывшая во времени кукла, смотрящая на него из своей коробки. Здесь не было ничего, что напоминало бы мне о Дереве: об идеальном запахе, свежих цветах и доме, который похож на выставочную экспозицию. Моя идеальность трещит. И сквозь щели я как будто впервые чувствую что-то ещё, кроме стыда.

За последние сутки я сломалась во всех местах, где мама прививала мне образ идеальной женщины, чтобы никто ничего не заметил.

Я поднялась и дёрнула раздвижную дверь, впуская внутрь холодный воздух. Волосы разлетаются у лица, а мокрые щёки щиплет от ветра. Я судорожно дышу, пытаюсь наполнить лёгкие, но надышаться никак не могу. Шелест воды доносится даже сюда. Всё другое.

Идиллию нарушает телефонный звонок.

— Да, — мой голос оказывается немного хриплым.

— Мисс, это Джонни из автомастерской. У меня есть две новости — хорошая и плохая, с какой начать?

Я втягиваю в себя воздух, чтобы оставаться спокойной.

— С хорошей.

— Сломался топливный насос. Я заменю его за пару дней.

Это дольше, чем мне хотелось, но я всё равно облегчённо вздыхаю. Скоро я снова смогу отправиться в путь и уеду из этого места.

— Дорогой ремонт не проблема, — отвечаю я с улыбкой, но Джонни быстро продолжает:

— Плохая новость в том, что доставка насоса будет две недели, — грохочет механик на другом конце.

— Я застряла здесь на две недели?!

Глава 6. Мне уже всё равно

На крыльце дома меня ждёт велосипед. У него синяя стальная рама, маленький звонок и корзинка для продуктов сзади. Без машины по вытянутому городку будет тяжело передвигаться, и у меня не остаётся выбора, кроме этого железного коня. Хотя на осла он похож больше.

Я целый вечер собирала силы, чтобы выйти за пределы домика. Делать этого категорически не хотелось, но это место... Здесь тихо. Очень тихо, внутри не слышно ни звуков птиц, ни гудения автомобилей, я словно заперта в банке и отрезана от мира, и мне это должно нравиться, но голоса внутри меня становятся оглушающе громкими. Поэтому я собираю остатки сил и выхожу за порог.

Собравшись духом, я отправляюсь в бар Миллера. Положив пакет с курткой Эйдена в корзинку, я спускаю транспорт на подъездную дорожку. В нём больше веса, чем я думала, из-за нехватки сил я едва удерживаю его, и заднее колесо со стуком пересчитывает ступени крыльца.

На часах уже почти десять. Но после сна и ванны голод гонит меня в город на поиски еды, а ещё лучше — выпивки. Сотни сообщений в моих чатах требуют от меня больше смелости, чем когда-либо было в моём теле на трезвую голову. И хотя в последний раз я позволяла себе лишнего толь-

ко на студенческих тусовках, приятный туман в голове будет очень даже кстати.

Поставив ногу на педаль, я отталкиваюсь второй от земли, направляя велосипед вперёд. Сцепление с землёй потеряно, но велосипед отказывается выравниваться, я спешно пытаюсь надавить на педаль уже другой ногой и промахиваюсь. Паника не придаёт мне ловкости, и вместо того чтобы собраться силами, я замираю, падая на землю с высоты своего роста.

Куртка смягчает удар, но колено и бедро принимают на себя вес моего железного транспорта и изнывают от боли. Сбросив с себя балласт, я подтягиваю и баюкаю ушибленную конечность.

Нога пульсирует ещё минуту, прежде чем окончательно успокоиться. Строптивая железзяка лежит рядом. Мои вещи вывалились из корзины и лежат около меня. А я собираю пыль с земли попой. Моя попытка напиться этим вечером потерпела первое поражение. Но я буду не самой собой, если позволю этому бездушному куску металла одолеть меня.

Отряхнувшись и собрав барахло, я делаю вторую попытку. На этот раз, прежде чем окончательно оттолкнуться от земли, я беру больше разгона, смотрю под ноги, чтобы видеть, что я делаю, и наконец трогаюсь с места.

Первые два оборота цепи даются тяжело, руль от недостатка скорости всё время норовит уехать в сторону. Я была так занята созерцанием движения моих ног, что, только проехав

пару сотен метров, наконец обращаю внимание на жизнь вокруг.

Во многих домиках, опровергая мои предположения, горит свет, и я мчусь прочь мимо чьих-то уютных вечеров: ужина и просмотра телевизора. Просто туда, где мне не придётся быть одной.

Так давно я не была одна. Может быть, даже и никогда не была. Я жила с родителями, с бабушкой и дедушкой, потом общежитие в колледже и сестринство, дом мамы и Дерека. Всю свою сознательную жизнь я провела рядом с кем-то, и теперь пустота дома, в котором я поселилась, была удушающей.

Это не типовой гостиничный номер со стандартными удобствами. Домик будто дышит жизнью. Только чужой. В нём полно фотографий в рамках с незнакомыми людьми, различные безделушки, посуда, кружки разного размера и даже коллекция ракушек на всех подоконниках. Кто-то в этом месте оставил кусочек своей души. И каждый его уголок показывал мне то, чего у меня давно нет.

Вырулив на главную улочку, я натыкаюсь на местных, разгуливающих туда-сюда. Вечером все уже увлечены собой, и до девушки на велосипеде им никакого дела нет.

Я доезжаю до противоположного конца центральной улицы, но так и не нахожу заветную табличку бара. Дорога расходится на два направления по сторонам, но по обе стороны тянутся лишь такие же жилые дома, как на берегу. В этой

части города пусто, хотя ближе к океану плотность гуляющих местных была довольно приличной. Наверное, я поступила глупо, не проверив в начале здания на берегу — вероятнее, развлекательное заведение будет именно там. Развернувшись, я еду обратно, но не могу перестать любоваться местными видами.

Для себя я отмечаю пекарню, супермаркет и магазин «всё по доллару». Когда-то мы с бабушкой любили ходить в такие магазины и покупать всякую ерунду пачками. Дедушка всегда ругал нас за неразумную трату денег, но вместе с нами охотно разбирал покупки.

— Сесилия!

Меня окликает знакомый голос Хейли. Я не замечаю, как добралась до места, откуда начала, погрузившись в свои мысли.

— Добрый вечер! — отвечаю я, подкатывая к краю дороги.

Хейли сидит на скамейке возле своего закрытого магазинчика, у её ног лежит знакомое шерстяное существо. Стоит мне остановиться, любопытная рыжая голова тут же поднимается и принюхивается.

— Как ты устроилась, милая, дом прогрелся? — спрашивает Хейли.

Её голубые глаза по-матерински проходят по мне и прищуриваются, когда натыкаются на грязь от моего падения.

— Да, спасибо, всё отлично, воды хватает, — я провожу

ладонью по свежим уложенным волосам. Местная вода прекрасно на них повлияла, и я чувствую себя новым человеком, просто сбросив следы дороги.

— Ты успела перекусить сегодня?

Живот сводит от голода при упоминании еды. Хейли улыбается, глядя на меня, и её чуткая забота трогает меня до глубины души. Не помню, когда кто-то в последний раз интересовался, поела ли я, ведь я взрослая девочка.

— Нет, вот как раз ищу бар, надеюсь там поесть.

Хейли хохочет, отчего шрам на её лице шевелится. Я нервно отвожу глаза от этой отметины, потому что не хочу смущать её. Она замечает это, но не придаёт никакого значения. Собака, будто тоже участвуя в разговоре, садится и смотрит на меня, виляя хвостом.

— Он тут за углом. А откуда ты едешь? — она машет рукой и смотрит в направлении за моей спиной.

— Я... — я, смущаясь, осознав глупость своего положения, — пыталась найти его сама и колесила по улице.

Хейли поджимает губы и по-доброму продолжает. Она как будто чувствует мою нервозность и сжатость и ласково говорит:

— Нужно было спросить дорогу.

— Нужно было, — вторю ей я и пожимаю плечами.

Она кивает каким-то своим мыслям и встаёт, двигаясь внутрь магазина, который, судя по всему, и её жильё одновременно.

— Если тебе нужно будет что-то приходи, не стесняйся. Даже если не с кем будет попить кофе.

— Ох, спасибо, я обязательно загляну. Всего доброго!

Я машу ей рукой и двигаюсь дальше, за поворот. Рядом со мной раздаётся кланье по асфальту. Посмотрев, что происходит, я с удивлением наблюдаю, как рыжая девочка бежит рядом с велосипедом, задрав хвост кверху. Я притормаживаю, чтобы она не запыхалась, а собака гавкает в ответ, пристраиваясь рядом.

От неожиданности я слегка теряю управление и почти падаю. Удачно подставив ногу и спасая себя от второго удара за вечер, я слезаю с велосипеда.

— Ты напугала меня! — говорю я строго, отчего рыжая голова тут же поникла.

Вздвогнув своим маленьким телом, собака прижимает уши, и её тёмные глаза-бусинки, становятся самой умильной картиной за последние несколько дней. Она не виновата, что я боюсь собак, поэтому делаю для себя невероятное и протягиваю ей руку.

Почувствовав от меня капельку тепла, девочка тут же делает рывок вперёд, тыкаясь в мою ладонь носом. Моей храбрости хватает ровно на мгновение, и я быстро одёргиваю её, делая шаг вперёд.

От маленького животного меня отвлекает мужской раскатистый смех. Трое мужчин среднего возраста вываливаются из аккуратного синего здания. Три ступеньки ведут к боль-

шой дубовой двери, где у входа висит винтажная табличка «Бар Миллера, с 1959 года». Изнутри доносится лёгкий шум музыки, а из окон льётся мягкий жёлтый свет. По обыкновению дом обвешан американскими флагами.

Подойдя к входу, я понимаю, что парковки для велосипеда здесь нет. Несколько пикапов, в одном из которых я узнала машину Эйдена, стоят в ряд, но для моего коня ничего не предусмотрено. Поэтому просто прислонив к стене велосипед, я собираю вещи и иду внутрь.

— Нет, тебе нельзя со мной, — строго говорю я, когда собака продолжает меня преследовать.

Она снова поджимает уши, но я забегаю внутрь раньше, чем она успевает меня пронять. Собака не может идти за мной, я сама не знаю куда иду.

Голоса, шумевшие внутри, тут же смолкли. Только лёгкая инди-музыка на фоне словно стала громче. Несколько мужчин за столиками и у бара поворачивают ко мне свои головы, и кажется, каждый хочет прожечь во мне дыру.

Они были все разные и одинаковые одновременно. Фланелевые рубашки, грубые ботинки и тёмные джинсы. Чем больше на лицах было морщин, тем меньше волос оставалось на голове.

Тишина давит на меня, и я делаю шаг назад, пробуя сбежать от их внимания. Они как будто видят всё, что я отчаянно пытаюсь спрятать, но знакомый голос вырывает меня из оцепенения.

— Добро пожаловать, мисс!

И как по щелчку лица просияли улыбками и сдержанными кивками. Мужчины салютуют мне, пока я медленно пробираюсь к стойке бара, но Эйден, как будто скрытый тенью, так и не появляется. Озираясь как дурочка, я всё ещё плююсь в толпу, когда передо мной появляется стакан с резким звуком.

Эйден стоит за стойкой бара. На нём белая майка, демонстрирующая все прелести мужской подтянутой фигуры. Мягкие волосы спадают на лоб.

Поставив пакет на стойку, я подталкиваю его к Эйдену, на что он лишь приподнял брови.

— К нам со своим нельзя, — он пожимает плечами, подталкивая пакет обратно, но я задерживаю руку.

Переминаясь с ноги на ногу, я сажусь на барный стул, пытаюсь унять беспокойство. Я вижу, что он не забыл ни единого моего слова — по уголку губ, натянутому вверх для показной доброжелательности, по глазам, остающимся безразличными, и по тому, как напрягается его рука, пытаюсь оттолкнуть свёрток.

— Это твоя куртка. Спасибо, — говорю я едва слышно.

На нас никто не обращает внимания, все посетители расселись за столами сзади, у стойки и вокруг нас никого нет. Но мне всё равно тяжело произнести благодарность. Стоит мне открыть рот для продолжения — на языке словно собирается кислота.

Моя рука едва касается кожи Эйдена. Он секунду раздумывает, смотрит на свёрток, а потом резко убирает его за стойку, разрывая контакт. Эйден уже не ждёт моего ответа, отворачиваясь к стене и что-то поправляя у стеллажа с бутылками. Мои подушечки пальцев ноют от потери, и я протираю ладонь о джинсы, пытаюсь отогнать зудящее чувство. Мне хочется окликнуть его, но ощущение собственной никчёмности лишает голоса.

— Ты пришла только за этим? — не поворачиваясь, Эйден продолжает заниматься своими делами, — не нужно было возвращать, она идёт тебе больше.

Он говорит спокойно, протирая и так чистые бутылки. Мышцы спины напрягаются от каждого движения, и я зажмуриваюсь, чтобы не пялиться. Это голод и разыгравшееся чувство одиночества играют со мной злую шутку. Мы плохо знакомы, но резкость в его теле становится отчётливой и тяжёлой.

— Нет. То есть, да, — спотыкаюсь я. — Спасибо, что помог мне, и спасибо, что одолжил куртку. — Я говорю на выдохе, и слова вылетают, будто я выплёвываю отрепетированную речь.

Эйден резко поворачивается, меряя меня глазами. Его карие глаза смотрят на меня, будто видят насквозь. Я сразу начинаю поправлять рукава кофты, натягивая их до костяшек пальцев.

— Без проблем, мисс, — сухо отвечает он. — Что будете

заказывать?

За спиной у бармена множество разного крепкого алкоголя. Краны с пивом встроены рядом, но ничего из этого я никогда не пила. Поразмыслив, я спрашиваю то, что всегда заказывала к ужину.

— Есть белое сухое вино?

— Нет, только пиво, виски, бурбон, текила и водка, — Эйден протягивает мне меню с едой. Составы не балуют меня разнообразными позициями. Только бургеры, сэндвичи и различные закуски.

— Тогда виски и сэндвич с индейкой, пожалуйста.

Эйден кивает, наполняя мой стакан. Движения быстрые и отточенные. Он ставит передо мной янтарную жидкость и удаляется на кухню, даже не обернувшись. Наверное, стоило выбрать что-то менее крепкое, но, несмотря на студенческую жизнь, пиво я никогда не пила. От него появляется целлюлит и дрябнет кожа.

— Хорошо, — бубню я в стекло, опрокидывая в себя сразу полную порцию. Горло обжигает, а терпкий вкус остаётся на языке послевкусием, которое я тут же запиваю водой.

Кажется, я уже забыла, каким может быть на вкус алкоголь. Стакан в моей руке идеально блестит. В тёплом свете нет ни единой капли или отпечатка, и я увлекаюсь рассматриванием хорошей работы. Огонь очень быстро бежит по крови, и я чувствую едва осязаемую лёгкость к тому времени, когда Эйден приносит мою тарелку. Кажется, он скла-

дывал на хлеб траву и мясо добрых пятнадцать минут.

Аккуратно взяв половину, я засовываю в рот сначала маленький кусочек. Хлеб ещё тёплый и хрустит. Соус немного пряный и с приятной кислинкой. Распробовав, я беру кусочек побольше, но голодная жадность сносит мне чувство меры, поэтому я откусываю больше, чем способен прожевать мой рот.

Сидя как ребёнок с набитым едой ртом, я стараюсь тщательно жевать и не подавать виду от того, как на меня набросилась голодная жадность.

— Повторить? — Эйден появляется в момент, когда я пытаюсь задержать крошки, норовящие покинуть рот. Я не могу говорить, не могу проглотить. Я лишь выпучиваю глаза от ужаса. Он понимает, в каком положении я оказалась и поджимает губы, пытаюсь скрыть усмешку, я киваю, лишь бы он побыстрее налил и ушёл к другим посетителям.

Поставив передо мной новую порцию, Эйден уходит, а я пытаюсь запить алкоголем хлеб, вставший комом в горле от моей торопливости.

Оглянувшись, стараюсь вычислить, не стал ли кто ещё свидетелем моего позора. Каждый занят собой и своим собеседником, поэтому за вторую половинку я берусь уже сдержаннее.

— Мисс, не хотите перейти за столик?

Девушка. С яркими зелёными дредами и глазами, подведёнными красным смотрит на меня безразлично. На ней та-

кая же майка, как на Эйдене, и белый фартук с карманами. Сложив руки на груди, она слегка притопывает ногой в нетерпении, и я чувствую, как её пренебрежение лезет мне под кожу.

— Конечно, покажите столик, — отвечаю я и ощущаю, что моя обычная чёткая речь становится мягче.

Кажется, пить на пустой желудок было ошибкой.

Её маленькая фигура легко маневрирует между столами, усаживая меня у стены. На её шее татуировка в виде бабочки, по рукам тоже ползут причудливые узоры, значения которых я не понимаю. Мне незнаком концепт такой раскрепощённости. Всё в её образе выглядит броско и небрежно. От майки до картинок на теле с размытым контуром.

Усевшись, я поняла, что меня отвели в угол. С моего места открывается прекрасный обзор на помещение, но окружает меня ряд пустых столов. Каждый посетитель пытался сесть поближе к барной стойке, когда я оказалась в самом дальнем месте.

Допивая свою порцию, я с сожалением смотрю на пустой стакан и крошки на тарелке. Виски шёл как вода, а еды оказалось, к сожалению, мало.

Высматривая официантку, я натыкаюсь на Эйдена, разносящего новые блюда посетителям.

— Эйден, нальёшь нам ещё пиво? — зовут его парочка мужичков в ярко-оранжевых безрукавках.

— Если я это сделаю, Кесседи заявится сюда и спалит мой

бар, Бобби.

— Да она даже не поймёт, где три кружки пива, где четыре, — продолжает Бобби, размахивая стаканом как американским флагом.

Бобби лет сорок, на висках проступает седина. У него полноватые щёки, обветренные на суровом океанском воздухе. Коротко стриженная борода совсем не прячет этот недостаток. Эйден забирает у него стакан, который вот-вот отправится в полёт, и хлопает добродушного здоровяка по плечу.

— Бобби, она поймёт, потому что ты уже сильно задержался. Иди домой.

— Иди домой, Бобби, может, ещё успеешь задобрить её под юбкой, пока язык шевелится! — гаркает кто-то в толпе, и все мужчины заливаются хохотом.

Я инстинктивно ищу взглядом официантку, и та, скривив свой нос, посылает мне лучи поддержки.

В этот момент обзор на девушку загораживает знакомая мужская фигура. Эйден приносит мне ещё один сэндвич, отчего в моём животе разгорается посасывающее чувство. Он молча ставит мне тарелку, которую я точно не заказывала и подаёт ещё одну порцию виски, уже двойную.

— Спасибо, — бормочу я, быстро хватаясь за тост.

— О, а ты учишься.

Непонимающе я поднимаю на него глаза. Эйден с высоты своего роста кажется великаном. Похоже, он уже немного расслабился и теперь смотрит на меня без прежнего напря-

жения... или туман в голове уже застилает глаза так, что я перестаю его видеть.

— Учишься говорить «спасибо». Мне нравится.

— Возможно, ты даже услышишь «пожалуйста».

Глаза Эйдена темнеют, языком он скользит между губ.

— С удовольствием бы послушал, — мурлычет он.

Мысль об ответной помощи заменяет грязный образ.

Я делаю ещё один глоток алкоголя, прежде чем ляпнуть ещё что-то двоякое. И лицо Эйдена вытягивается. Он прокашливается.

— Красивое кольцо.

Сухо говорит он и быстро уходит за стойку. Я смотрю на его удаляющуюся спину, а потом на свои руки. Кольцо Дерекса вульгарно блестит под приглушённым светом.

Стоило бы его снять, вот только что от меня останется после.

За три года помолвки я уже привыкла быть будущей миссис Питерс, этот образ стал моей неотъемлемой частью. Утончённая внешность, красивый жених и кольцо за пятьдесят тысяч долларов.

Я бросаю взгляд на Эйдена. Он уже хохочет с одним из посетителей, что-то разглядывая в его телефоне, без застенчивости наклонившись ниже, сокращая расстояние. Стал бы он так разглядывать меня, зная, что у меня под одеждой? Я всё ещё вижу разочарование, мелькнувшее на его лице при виде моего украшения, и меня почему-то гложет такое же.

На злобу уходящего дня впервые после своего побега пытаюсь разобрать сотни уведомлений, разрывающих мой мобильный. Чем меньше становится красных кружочков на моих приложениях, тем сильнее мне хочется разбить телефон.

Несколько писем от начальника, обещавшего мне новый офис и улучшенную страховку, если я вернусь. Забавно, каким ценным сотрудником ты становишься, когда люди замечают, что именно ты делаешь. Стоит только уйти. Я работала маркетологом в топовой компании, вела несколько больших брендов, а теперь я сама часть целевой аудитории одиноких девушек за тридцать.

Я делаю очередной большой глоток, хотя уже чувствую, как эмоции, спрятанные под маской контроля и дисциплины, начинают резонировать внутри, стоит мне всё больше поглощать напиток. Голова становится лёгкой, а злость осязаемой.

Пролистываю несколько сообщений от подружек в длинном общем чате, читая который я так и не могу разобраться в сути происходящего.

Кажется, я провела, уткнувшись в экран, очень много времени и даже пыталась отправлять какие-то сообщения, когда рядом со мной раздаётся громкий стук. Официантка поднимает с пола стулья.

Я оглядываюсь, шумных мужчин больше нет, все разошлись, и только лес из деревянных ножек теперь загромождает мне обзор.

— Уже полночь, мы закрываемся, — говорит она, ставя

стул перед моим лицом.

— Разве вы не должны работать до последнего посетителя?

— Нет, не должны, завернуть тебе с собой?

Она кивает на оставшуюся половинку сэндвича, и я отрицательно качаю головой.

— Я не ем старую еду.

С трудом поднимаюсь и ощущаю, как ноги едва держат. Делая каждый шаг вперёд, чувствую, как пол слегка пошатывается. Голова кружится, но цель в виде двери ведёт меня за собой.

На улице меня обдаёт холодным воздухом. Парковка оказывается почти пуста. Только чёрная машина и мой велосипед, прислонённый к стене, составляют друг другу компанию в этой ночи. Я иду к транспорту, держась одной рукой за стену. Прежде чем запрыгнуть на седло, мне нужно две минуты, чтобы водоворот в голове унялся. Я усаживаюсь на землю и вытягиваю ноги.

Впереди только берег и чернота. Телефон снова жужжит в кармане, и я вспоминаю. Голосовые от Дерека я оставила напоследок. Стоило бы их удалить и не думать о нём вовсе, но я не могу остановить себя, когда мой палец нажимает плей, и знакомый голос снова звучит из динамика. На секунду мне кажется, сейчас он спросит, что я буду на ужин.

— Сеси... Сеси, мне жаль, ответь, давай поговорим.

— Скажи мне, где ты, и я приеду, незачем оставаться в

незнакомом месте, это опасно.

— Сеси, давай поговорим, мы вместе уже семь лет, не рушь всё из-за одной ошибки, умоляю.

— Сеси, я люблю тебя, вернись.

— Я буду звонить, пока ты не поговоришь со мной, я не позволю тебе всё уничтожить.

Мой смех, пластиковый и хриплый, разносится в тишине, перебивая песнь сверчков. Я делаю быстрый снимок, для этой самодовольной рожи. Каждое новое его сообщение похоже на предыдущее, быющее по мне со всего размаху. Ты. Всё. Рушишь.

«Тебе так повезло, милая, не каждый мужчина готов на такое», — говорила мама, когда собирала со мной вещи. Дерек предложил тогда жить вместе. Это было второе по значимости событие в моей жизни. Помню, как она улыбалась, складывая мои футболки ровными стопками в чемодан, и её идеальное платиновое каре блестело на калифорнийском солнце. И всё это обернулось пеплом за одну ночь. Сделал бы он это, будь я настоящей?

Ощущение вины и горечи снова собирается комом в горле, но прежде чем оно возьмёт надо мной верх, я допиваю остатки выпивки из стакана, с которым я так и не смогла расстаться. Только сожаление липнет ко мне, как смола, заставляя проигрывать снова прошедшие события и ощутить всю тяжесть последствий. В порыве я разрушила свою жизнь и сейчас даже не могу подняться с земли, чтобы вернуться в

место, что теперь мне придётся назвать домом. Примет ли меня кто-нибудь так же, как Дерек?

Нет ни одного ответа. Только ещё большее количество раздражающей неопределённости. Лёгкие сводит судорогой, и я кричу на темноту впереди, но боли в груди меньше не становится. С трудом поднявшись, я хочу промчаться в эту ночь в надежде, что там, в этой пустоте, тяжесть, наконец, растворится.

Пересекаю дорогу наполовину, когда меня останавливает рывок.

— И что ты намерена там делать? — с иронией спрашивает Эйден.

Меня впечатывает в твёрдую мужскую грудь. На талии образуется стальное кольцо из его рук. Его дыхание щекочет волосы у шеи, я пытаюсь дёрнуться, но хватка остаётся непоколебимой. Меня одновременно дико раздражает его близость, и я хочу раствориться в облаке тепла его тела. Под пальцами я ощущаю твердые мышцы его предплечий и мягкую кожу, по которой так приятно проводить пальцами.

— Отпусти! — слабо протестую я, в груди за спиной вибрирует смех.

И я пытаюсь ударить его головой, резко откинувшись назад, но попадаю по ключицам, а не лицу. Расстояния между нами совсем не остаётся. Он приподнимает меня над землёй, лишая опоры.

— Нельзя ходить на пляж ночью, Сесилия, — говорит

направоучительно, как маленькому ребёнку. — Пора домой.

Эйден поворачивает меня лицом к бару и моему велосипеду. При виде этой машины по уничтожению моего тела хочется плакать. И я собираю остаток всех своих сил, чтобы отбиться от Эйдена. Я не хочу возвращаться. Там мои мысли снова догонят меня.

— Я не твои дружки из бара, ты не можешь мне указывать, — выкрикиваю я, ударяя его по рукам.

Эйден размыкает хватку резче, чем я того ожидаю, и мне приходится делать два резких шага вперёд, чтобы сохранить равновесие.

— Простите, мисс, я даже не пытался, — его голос становится серьёзным.

Я едва стою на ногах и облокачиваюсь на ближайшую машину, чтобы не рухнуть снова на землю.

Телефон всё ещё в руке, я с рассеянностью пытаюсь ввести пароль и заказать убер, но пальцы не слушаются, и цифры, что я набираю, не подходят снова и снова.

— Я не могу игнорировать ваши желания навредить своему здоровью.

Эйден стоит прямо напротив меня и наблюдает за открытым приложением на моём телефоне. На экране горит надпись, что в этом регионе сервис недоступен. Он улыбается, а я от разочарования пытаюсь выбросить телефон. Его длинные руки снова мешают мне, и от злости я сжимаю челюсти до хруста.

— Это ты сейчас вредишь моему здоровью! — рычу я, толкая его прочь от себя.

Уперевшись в его грудь двумя руками, я со всей силы толкаю его от себя, и он отходит.

— Ладно! Сейчас ночь, как ты доберёшься домой? — насмешливо спрашивает он, заглядывая в моё лицо.

Отойдя от него, я иду к припаркованному транспорту у стены. Ещё два часа назад велосипед определённо был легче, но это не останавливает меня, я в любом случае уеду отсюда, подальше, где Эйден не сможет снова мне помешать.

— Как приехала, так и уеду, — говорю я, выводя велосипед на дорогу.

Эйден подходит ко мне и хватается руль,

— Ты даже сесть на него не сможешь, — рычит он, но я отталкиваю его. Эйден всё время раздражающе близко, и с каждым разом мне все сложнее убирать руку с его твёрдой груди.

— За пару часов я не разучилась водить.

Поставив транспорт прямо, я начинаю перекидывать ногу, вес велосипеда и слабость в конечностях берут верх. Мир кренится, и под тяжестью железа я снова лечу на бок.

— Чёрт! — ругается Эйден, снова хватая меня за талию, — Сесилия, ты вынуждаешь меня применить к тебе силу!

Он зол. Его брови сошлись на переносице в идеальной формой, губы сжаты до прямой линии. В свете ночного фонаря волосы сияют, и сейчас он похож на ангела, пришед-

шего со мной похвалиться. Рука сама тянется потрогать его идеальные черты. Пальцы касаются острых скул и полных губ. Почему я не обращала внимания, как он красив?

— Делай со мной что хочешь, мне уже всё равно, — стону я, обмякнув в его руках. Не имеет смысла, буду ли я сопротивляться или поплыву по течению. Главное, чтобы в месте, куда меня принесет, было тихо.

— А ты тяжёлая, — он подхватывает меня поудобнее за спину и суёт мне что-то в руки, — Сесилия, ты можешь поддержать пакет?

Кажется, это я ему принесла.

— Нет, — отрезаю я, сложив руки на груди.

— Такая большая девочка, но такая капризная, — журит он, щипая меня за нос. — Веди себя как взрослая леди.

Он прижимает свёрток к моей груди, обхватив ношу руками, я окончательно теряюсь в пространстве, повиснув в воздухе. Морозность ночи неплохо рассеяла сознание, но эти качели снова уводят меня прочь в облако алкогольного дурмана.

— Голова кружится, — стону я, когда пейзаж плывет с огромной скоростью.

— Потерпи, я больше не налью тебе сверх нормы.

— Ты следил за мной? — я пытаюсь сощуриться, чтобы разглядеть каждую его черту. Он снова проводит языком между губами и, не смотря на меня, сажает меня в машину.

— Наблюдал.

Дверь захлопывается быстрее, чем я успеваю продолжить.

Эйден возится с моим велосипедом и через время садится рядом. В его машине пахнет чем-то сладким и приятным, но это не отвлекает меня от мысли, за которую я отчаянно держалась, пока ждала его.

— Я за тобой тоже следила, — я пытаюсь придать голосу загадочные нотки.

Эйден, несмотря на меня, заводит мотор и выруливает на дорогу.

— И что же ты выследила? — я пытаюсь приблизиться к нему, слегка пошатываясь.

— У тебя с официанткой роман?

Эйден мотает головой отрицая. Моё предположение его повеселило. Повернувшись в мою сторону, он добавляет серьёзно.

— Нет, я могу позволить себе только отношения с работой, — отвечает он, делая акцент на последнем слове. Он смотрит на меня чуть дольше, задерживаясь на лице, будто пытается убедить в этом.

— У меня тоже нет отношений, и я ни на кого не смотрю так, как ты! — я тычу в его плечо пальцем, и он слегка дёргается.

— Мы друзья детства, ты знаешь, что это такое?

В ответ он пытается пощекотать меня, заставив съёжиться и вернуться на место. Я сразу вспоминаю Джесс. О том, как она плакала у моей больничной койки пока мне делали

капельницы.

— Это когда человек, с которым ты вырос, становится тебе братом или сестрой, — тихо говорю я. — Мне нужно позвонить.

Я уже представляю, как скажу Джесс, что со мной всё хорошо и где я, но Эйден забирает мой телефон, пряча в свой карман.

— Э, нет, в таком состоянии тебе нельзя никому звонить.

Я лезу в его сторону, пытаюсь с силой вырвать мобильный. Он сопротивляется, но я начинаю применять вес, чтобы продавить его. Машина резко уходит в сторону, отчего я теряю равновесие и заваливаюсь на сиденье. К горлу подступает неприятное чувство, угрожая выплеснуть всё употреблённое мной за этот вечер.

— Тошнит, меня тошнит!

Окно немедленно открывается, и я высовываюсь наружу, глотая свежий воздух и притупляя ощущения. Лицо омывает бризом, волосы, подхваченные ветром, развеваются. Мне так хочется быть свободной, быть той, кто не загнан в рамки. Я всегда смотрела на героинь в фильмах и завидовала их безрассудству.

Не размышляя долго, я упираюсь руками на дверь и вытаскиваю туловище навстречу ветру.

— Что ты делаешь? Прекрати! — из салона доносится злой мужской вопль, но я не слушаю его. Мне хочется поймать ветер, быть его частью. Подняв руки кверху, я позволяю

потоку воздуха проходить сквозь пальцы, будто он живой и я могу поймать его.

— Привет, Сильвер-Коуст! Ты не ждал меня, но я приехала, уху-у-у-у! — мой крик разносится по спокойной округе. От неожиданности где-то начинают лаять собаки.

Мои попытки слиться с природой нещадно прерываются жёсткой хваткой на джинсах. Эйден резко затаскивает меня в салон и закрывает окна.

— Ты могла выпасть из окна, что за игры! — он кричит.

Машина останавливается, и он рывком расстёгивает свой ремень безопасности.

— Мне нужно было проверить голову. Мы уже приехали? — оглядевшись, я вижу свой дом цвета яичной скорлупы. В ночи он кажется ещё более тёмным и неприметным, и от мысли, что я снова в него вернусь, в животе оседает камень.

— Да, не вылезай сама.

— Я не хочу туда, это не мой дом, — говорю я, но Эйден уже обходит машину.

Снова взяв меня на руки, он медленно идёт по подъездной дорожке. Он хмурится и молчит, минуя коридор и поднимаясь по узкой лестнице наверх. Звук его шагов в этом доме кажется чем-то правильным. Будто ему здесь самое место. Замерев в дверях, он впервые смотрит на меня и всё так же молча спрашивает направление. Кивком я показываю выбранную спальню, и он молча заносит меня внутрь, усаживая на кровать.

Эйден присаживается между моих ног, будто собирается раздеть ребёнка. Взявшись за молнию моей куртки, он медленно расстёгивает её, его глаза направлены только на одежду, а мне так хочется, чтобы он посмотрел на меня.

— Эйден. Ты сказал, у тебя нет отношений, но я видела у тебя кресло в машине.

Он наконец смотрит на меня, и в темноте кажется, что на лбу пролегла морщинка. Высвободив мои плечи, он тянет куртку вниз, подавшись ближе. Теперь его лицо находится на уровне моего, и он произносит тихо, будто это секрет.

— Они были.

Эти два слова заставляют ком в моей собственной груди шевелиться. Он снова отводит глаза, не желая со мной пересекаться, и я останавливаю себя от того, чтобы погладить его по щеке.

— Тебя тоже предали?

— Что?

Я вижу только его макушку, пока он расшнуровывает мои ботинки.

— Она тоже тебя предала, как меня предал Дерек?

Эйден резко поднимает голову, он нежно держит мою щиколотку и несколько раз открывает и закрывает рот, но так и не издаёт ни звука.

— Нет, просто она хотела строить карьеру, а я семью, — наконец говорит он, возвращаясь к моим ботинкам.

Первый с глухим стуком падает на пол, и я кладу ногу ему

на бедро. Эйден проводит ладонью по икре, задерживаясь на задней части, прежде чем взяться за второй ботинок.

Он молод, красив и одинок. Он полноценный мужчина, который может создать настоящую семью, но даже его одиночество ощущается в каждом напряжённом касании. Что же тогда будет со мной?

— Я... Неужели я больше никого не найду? — шепчу я еле слышно, стук второго ботинка перебивает мой голос, но спина Эйдена напрягается после моей фразы.

— О чём ты говоришь? Ты строптивая, но это только снаружи, — он весело щёлкает меня по носу. Мои ноги покоятся на его бёдрах, будто так и нужно. Его большой палец касается нежной кожи щиколотки, и от едва уловимого движения по спине бежит горячая волна.

— Ты не знаешь обо мне ничего.

Эйден аккуратно ставит мои ступни на пол и легко поправляет волосы, убирая их назад.

— Если ты не убиваешь младенцев, я думаю, всё решается, — хохочет он.

— Отвратительная шутка! — вскрикиваю я, ударяя его по груди. Он такой горячий, что даже сквозь ткань мне кажется, я обожглась.

— Просто я... — начинаю я, когда Эйден подхватывает край моего джемпера, стягивая его через голову, — я не настоящая женщина.

Он замирает, смотря мне прямо в глаза, и сжимается, как

перед броском. Не найдя слов, я лишь опускаю глаза на свои руки, бледные в темноте, но с чётко различимыми шрамами. Шрамы!

— Не смотри, не смотри, пожалуйста, отвернись! — я складываю руки к животу, прикрывая нежную исполосованную часть. От моего крика Эйден отшатывается, но быстро берёт себя в руки и поднимает голову к потолку.

— Я не смотрю, не смотрю, тише-тише...

Избегая меня, он оглядывает комнату и находит плед, сложенный мной ещё утром. Раскинув его, он прикрывает меня.

— Только не смотри на меня, — шепчу я, покачиваясь в панике.

— Вот так, ничего не видно, заберись в постель, — говорит он, отодвигая одеяла и давая мне перелезть из одного укрытия в другое.

— Вот и всё, спи, ты очень устала и перенервничала, — Эйден нависает надо мной, проверяя, что одеяло плотно закрывает тело.

— Эйден, спасибо.

— Нам было по пути, всё в порядке, — он пожимает плечами, будто ничего и не было, но я повторяю, потому что слова больше не могут держаться внутри и требуют, чтобы их высказали.

— Спасибо, что нашёл меня, когда я потерялась.

— Может быть, тогда нам тоже было по пути? — он улыбается, наклоняясь надо мной, и легко касается губами ще-

ки. — Спокойной ночи.

Место, которого он коснулся, горит, пока я окончательно не проваливаюсь в сон.

Глава 7. Кусочек солнца

Очередная капля набирается на носике смесителя, чтобы с оглушающим бульканьем упасть в воду. Единственное, на что мне хватило сил после вчерашней выпивки, — подняться с постели и помыться. Вода в ванной давно остыла, но я так и не могу собраться, чтобы просто вынуть пробку и двинуться дальше. При мысли о том, как я буду вытирать волосы и укладывать, хочется остаться здесь навсегда.

Прошлый вечер похож на туман из запаха алкоголя и мужского одеколona. Первое, что я почувствовала, открыв глаза, — стойкий мужской аромат от тела, но никаких следов ночных гостей в доме или, хуже, в моей постели обнаружено не было.

Пройдясь по телу мочалкой, я закрываю глаза, касаясь живота и рук. Не могу смотреть. Как будто с каждым взглядом на своё тело я подтверждаю отсутствие во мне чего-то по-настоящему стоящего.

Настойчивый звонок мобильного заставляет меня подняться. Быстро спрятав тело в халат, я шлёпаю до кухни, где на столе

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.